

Б. ОКУДЖАВА В. МОТЫЛЬ

**ЖЕНЯ, ЖЕНЕЧКА
И „КАТЮША“**

Поэт Булат Окуджава родился в 1924 году в Москве. Когда началась война, ему не было еще и семнадцати лет; со школьной скамьи (учился в 9-м классе) он добровольно уходит на фронт, становится минометчиком. После войны Б. Окуджава заканчивает филологический факультет и в течение пяти лет работает в деревне учителем.

Его первая книга стихов вышла в 1956 году в г. Калуге. Вскоре он переезжает в Москву, работает редактором в издательстве «Молодая гвардия», а затем в «Литературной газете», где ведет отдел поэзии. Круг литературных интересов Б. Окуджавы очень широк. Он не бросает поэзии, пишет повести, пьесы, киносценарии.

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

Б. ОКУДЖАВА, В. МОТЫЛЬ **ЖЕНЯ, ЖЕНЕЧКА И „КАТЮША“**

ИЛИ НЕОБЫКНОВЕННЫЕ
И ДОСТОПОУЧИТЕЛЬНЫЕ
ФРОНТОВЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ
ГВАРДИИ РЯДОВОГО
ЕВГЕНИЯ КОЛЫШКИНА,
ВЧЕРАШНЕГО ШКОЛЯРА

Киноповесть

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО» МОСКВА 1968

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Темы носятся в воздухе, как тополиный пух.
Успевай — подхватывай.

Вот и мы с Владимиром Мотылём, еще ничего не зная друг о друге, бегали по земле и, оказывается, поймали одну и ту же тему.

Писали мы так. Садились где-нибудь на скамейке в каком-нибудь глухом парке и начинали рассказывать друг другу о своем герое все, что приходило в голову. При этом мы отчаянно хохотали. Но на бумаге получалось не смешно. Это нас очень мучало и удручало. И мы встречались уже в другом парке и снова обговаривали эпизод за эпизодом. С каждым разом мы смеялись все меньше и меньше, а на бумаге, как ни странно, становилось все смешнее и смешнее.

Это уже начинало отдавать мистикой, и мы готовы были сдаться перед темными силами природы, если бы нас не вдохновлял договор и не связывали сжатые сроки.

И вот сценарий был написан и пошел, как говорится, по рукам очень знающих, искушенных и компетентных лиц.

И тут мистика вспыхнула с новой силой. Вокруг сценария разгорелись споры: стоило, например, одному объявить эпизод слабым, как тотчас другой считал именно этот эпизод нашей творческой удачей. Стоило третьему попытаться доказать, что такой герой не мог полюбить такую героиню, как четвертый возра-

жал, утверждая, что именно такой герой и мог полюбить такую героиню. Пятый говорил, что это настоящая комедия, но в ней не хватает кавалерии, что добавило бы настоящего комизма. Шестой жаловался, что ему не смешно, но можно спасти положение, если героем сделать девушку, а не молодого человека. Седьмому сценарий понравился безоговорочно и прежде всего тем, что в нем никто не погибает. «Давно не видел такой приятной войны», — сказал он.— Это очень своевременно в наш суроный век».

Мы засели за переделки. В первую очередь Владимир Мотыль, отличающийся крайним упрямством, решил внести в комедию трагический элемент. Я по слабости духа ему не противоречил. Мы ввели сцену убийства, кавалерию в большом количестве, молодого человека сделали пожилым и т. п.

Изучив наш труд, знатоки посоветовали нам вывести из сценария кавалерию, оставив только «катюши», никого не убивать, сделать пожилого человека молодым и т. п.

Мы снова засели за переделки и все восстановили в прежнем виде, кроме одного,— трагическая сцена осталась.

О съемках картины можно было бы рассказать много интересного и смешного (более смешного, чем это есть в нашем сценарии), но это — производственная тайна. Поэтому я и умолчу, чтобы вам, уважаемые читатели, не омрачать свой досуг, читая описания всяких сложностей и несообразностей, чтобы все у вас шло легко, красиво, как по маслу.

Б. Окуджава

ВМЕСТО ПРОЛОГА

О том, как история Жени Колышкина могла закончиться, едва начавшись, по причине того, что наш герой проявил неосмотрительность, которая могла оказаться для него и для нас роковой

Это случилось погожим августовским утром одна тысяча девятьсот сорок четвертого года.

По узкой лесной тропинке беззаботно шагал юноша в солдатской форме с веявшим мешком за плечами.

Линялая гимнастерка была ему не по росту, руки торчали из коротких рукавов, большие кирзовые сапоги болтались на длинных ногах. Мальчишеская нескладность, угловатость, которые подчеркивала непригнанная форма, сочетались в этом худощавом юноше с вызывающее гордой осанкой и озорным выражением лица, будто это был не солдат, а мальчишка, играющий в солдата.

Он ловко перемахивал кусты и воронки, высоко подпрыгивал, чтобы сорвать с дерева листок или ветку, просто так, от избытка сил. При этом он выкрикивал, повторял на все лады, заучивая наизусть:

— Товарищ гвардии младший лейтенант!.. Гвардии рядовой сто тридцать девятого, отдельного, добровольческого, ордена Кутузова вто-

рой степени и ордена Отечественной войны первой степени, краснознаменного дивизиона гвардейских минометов... Евгений Колышкин после благополучного излечения в госпитале прибыл...

Мы уже упоминали о том, что это было тихое теплое утро, фронт был где-то далеко, и если бы не глухое далекое «бум-бум-бум!», можно было подумать, что его и вовсе нет, а есть только этот прекрасный лес, поляны с цветами, синее небо и река, что внезапно сверкнула где-то внизу, между деревьями.

В голубой зеркальности воды плыло спокойное облако. Казалось, ничто не предвещает опасности. И Колышкин скинул потную одежду и погрузился в ласковую речную прохладу.

Ах Колышкин, Колышкин! Если бы ты всмотрелся в небо, ты заметил бы черную точку, что выползла из-за облака. Если бы ты вслушался в обманчивую тишину, ты обнаружил бы в ней нарастающий гул самолета... Но ты нырял с наслаждением, забыв обо всем на свете, и видел лишь небесную синь да золото солнца сквозь зеленую воду.

А фашист был хитер. Он пикировал с выключенным мотором...

Бывает же такое! Наверное, только на войне. Знай Колышкин об опасности, он попытался бы выбраться из реки, укрыться и наверняка попал бы под пули, но ничего этого Женя не знал, и перед тем самым мгновением, когда немец нажал гашетку, он вдохнул и погрузился в воду с головой, стараясь достать dna, просто так — от избытка сил.

Строчка пуль полоснула по воде и берегу, и, взревев, самолет ушел к облакам.

Когда Колышкин выбрался наконец из воды, «мессер» был уже далеко, и Женя снова его не заметил. Он прыгал, вытряхивая воду из ушей, и все повторял предстоящий рапорт:

— Товарищ гвардии младший лейтенант... товарищ гвардии...

Черная точка в небе растаяла, и гул самолета растворился в звоне кузнециков и тихом шелесте прибрежных кустов.

Вероятно, наш герой так и не узнал бы, что жизнь его висела на волоске, когда бы не обгорелые дыры на гимнастерке, пробитые крупнокалиберными пулями. Он очень удивился, обнаружив это, и еще больше — найдя запутавшуюся в материю пулю.

Теперь мы позволим себе на некоторое время оставить нашего героя, чтобы сообщить вам о песенке, которую вы непременно услышите с экрана и которая своим кажущимся несоответствием с происходящими событиями может вызвать ваше удивление:

С детских лет поверили я, что от всех болезней
капель датского короля не найти полезней,
и с тех пор горит во мне огонек той веры...
Капли датского короля пейте, кавалеры!

Может быть, кому-то эта песенка покажется не совсем подходящей или неподходящей совсем. Не торопитесь с выводами. В дальнейшем смысл песенки, ее отношение к сюжету несколько проясняется, она еще будет возникать по ходу повествования.

Рев орудий, посвист пуль, звон штыков и сабель растворяются легко в звоне этих капель.
Солнце, май, Арбат, любовь — выше нет
карьеры...
Капли датского короля пейте, кавалеры!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

**Повествует о том, как
наш герой благополучно достиг
цели своего путешествия
и смог заключить в объятия
старых друзей**

Он сбежал с пригорка, миновал реденьку выжженную рощу и прислушался. Треснула ветка в стороне, другая, затрещали кусты. Он увидел: среди лесной зелени замелькала, удаляясь, девичья фигурка в защитной гимнастерке, а из-за ближайшего ствола вышел сержант Лешка Зырянов, застегивая пуговицу на воротнике. Он был начищен и подтянут назло войне, только лицо было слегка растерянно, то ли от внезапности встречи, то ли от чего-то еще.

— Я как знал, что тебя встречаю! — сказал Зырянов с плохо скрытой досадой. — Ну надо же...

Женя радостно бросился к Лешке. А вдалеке продолжали потрескивать сучья, и среди деревьев мелькала девичья головка с золотистыми волосами.

— Вот черт, — сказал Женя, — меня чуть было в другую часть не упекли!

— Молоток, — проговорил Лешка рассеянно, — ну молоток...

— Добрался, — улыбнулся Женя, — прямо чудеса. Ну как вы тут?

— Лафа, — сплюнул Лешка. Потом похлопал Женю по плечу. — Скоро на передовую, дадим фрицам прикурить.

— Гебен зи битте айн цигаретте, — сказал Женя, и это означало: дайте, пожалуйста, закурить.

— Ну молоток! — удивился Лешка. — По-немецки научился шпарить. — И беспокойно оглянулся.

— Да нет, — сказал Колышкин, — это в госпитале листок из книжки попался, выучил от скуки. В школе тоже учили, да все как-то так... туман.

Вдалеке продолжали потрескивать сучья, и Женя спросил:

— А это кто такая была?

— Ну пошли, что ли, — сказал Лешка, — а то меня хватятся.

— Женщина? Да? — не унимался Женя.

— За нами тут «юнкеры» охотились, — уклонился Лешка. — Чуть не накрыли.

— Да-а, — сказал Женя. — А ты что в лесу то делал?

— Подходы к дороге смотрел. — Всыпал мне младший лейтенант. Я уже целый час здесь хожу.

— А она с тобой ходила? — спросил Женя.

— Чего? — обиделся Лешка.

— Да я ж видел, — засмеялся Женя.

— А, эта? Это родственница у меня вдруг объявилась. Понял? Связисткой недавно прислали.

— Так у тебя ж родственница еще в прошлом году объявились, — сказал Женя беспощадно.

— То тетка. А это — свояченица. Понял?

— А в Москве, когда в училище были?

— Сестра, — радостно сказал Лешка. — В Москве — сестра... Двоюродная сестра.

— Стой! — раздалось совсем рядом.
Они остановились.

— Чего орешь? Свои,— сказал Лешка.

— Не шевелись! — приказал голос, и перед ними возник краснолицый ефрейтор Захар Косых и автоматом уперся Колышкину в грудь.— Кто такие будете?

— Да ты что, его не узнал? — удивился Лешка.

— Это же я, Женя Колышкин! Что с тобой, Захар!

— Какой еще Колышкин? — усмехнулся Косых.— Вот сейчас сдам начальнику караула. И все.

— Да я ж из госпиталя пришел! — растерянно сказал Женя и сунул Захару бумажку.— Вот добрался.

— Это мне ни к чему,— сказал Косых посмеиваясь.— Сдам, и все. Прыткий ты больно.

Младший лейтенант Ромадин медленно перевел взгляд на Колышкина, и лицо его при этом скривилось, как от кислого. Женя стоял руки по швам, и надо сказать, не все в нем ласкало лейтенантский взор: одежда была в дырах, пряжка сбилась куда-то на сторону. Голову Женя держал чуть набок, каблук с каблуком не совпадали. Не было в Колышкине ничего от настоящего солдата, и с этим трудно было примириться. Ромадин спрятал в карман гимнастерки недописанное письмо.

— Ну что?

Женя набрал воздуху в легкие.

— Товарищ гвардии младший лейтенант, рядовой сто тридцать девятого отдельного... гвар-

дейского, добровольческого ордена Кутузова второй степени и ордена Отечественной войны первой степени...

— Краснознаменного,— сказал Ромадин.

— Что? — спросил Женя, но младший лейтенант не ответил.— Рядовой сто тридцать девятого...

— Ну, ладно,— вздохнул Ромадин.— Короче. Вы же на фронте.

— Да, да, конечно,— обрадовался Женя.— Вот наконец добрался...

— Вернулся после излечения,— поправил Ромадин и снова поморщился.— Можно было бы не возвращаться. Можно было бы в другую часть. Я бы не возражал...

— Я к своим старался попасть,— сказал Колышкин.

— Старался,— горько усмехнулся Ромадин и ткнул в продырявленную гимнастерку.— Почему в таком виде?

— Это... это из пулемета,— объяснил Женя поспешно.— Одну пулю я вытащил. Вот...

Он не успел договорить, рассказать, как все было, про речку, про «мессера». Ромадин задохнулся от возмущения.

— Отставить, Колышкин!

— Товарищ гвардии младший...

— Йрна! Кру-гом!

Командир дивизиона майор Мушегян сидел на пеньке без одного сапога и поглядывал вдаль. Рядом солдат прибивал к сапогу подметку. Майор покрутил усы.

— Что-то я не совсем ориентируюсь. На другую машину? Зачем?

— Намучился я с ним, товарищ гвардии майор,— сказал Ромадин.

А Женя стоял рядом и, конечно, молчал, ждал, как решится его судьба. Проследив за взглядом Мушегяна, он увидел, как из-за дальней машины возникла фигура девушки в военном. Что-то нереальное было в этом внезапном возникновении, в ее спокойной позе, в движении руки, когда она поправляла свои золотистые волосы. И была она как-то несовместима с мощной военной техникой, нагроможденной вокруг. И наверное, потому Женя видел лишь ее силуэт и лицо. Силуэт и лицо, которое было прекрасно и спокойно. Откуда она возникла — никто не знал, и зачем она возникла — тоже было неизвестно.

— ...Он и в госпиталь попал не как все,— продолжал Ромадин.— Не в бою его ранило. Ящиком придавило. Честно вам скажу, когда его увезли, я даже обрадовался. И вот нате...

— Ну а ты что думаешь? — спросил Мушегян.

А Колышкин смотрел в сторону. То есть он смотрел прямо, но как-то уж так вышло, что сам майор оказался в стороне.

— Вот, видите? — сказал Ромадин.— Вот так всегда. Колышкин! — Женя повернул голову.— Вечная рассеянность, товарищ гвардии майор.

— Да, да... — спохватился Женя.— Только не рассеянность, а сосредоточенность. Меня подводит моя сосредоточенность.

— Я спрашиваю, как думаешь в дальнейшем? — спросил Мушегян строго, натягивая сапог.

А у Жени перед глазами все еще маячил де-

вичий силуэт, и он ответил не очень четко и не очень по-военному:

— Видите ли, я уже не в том возрасте, когда легко меняют привычки.

— Что? — нахмурился майор.

— Ну вот,— сказал Ромадин.

— Это к тому, что я привык,— заторопился Женя,— привык к своей машине. И я буду стараться, вы знаете, от Лепеля я, можно сказать, пешком...

— Ну так как же, товарищ гвардии майор? — спросил Ромадин с надеждой.

— А вот так же,— ответил Мушегян и встал.— Воспитывай своих солдат, Ромадин. Другая машина — это что, исправительный дом? Вечно у тебя истории!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Повествует о том, как наш герой прекрасной августовской ночью имел честь представиться не менее прекрасной незнакомке, оказавшейся Женечкой Земляниной, и какие последствия эта встреча возымела

Была теплая ночь, и луна выкатилась и повисла над редким лесом. Все спали, а Лешка Зырянов прохаживался в карауле, подтянутый и изящный, как гусар. Женя Колышкин никак не мог уснуть после такого насыщенного событиями дня. Он встал и медленно побрел по лагерю, обходя машины, которые казались ему

фантастическими существами. Это и были легендарные «катюши», а вокруг, прямо на траве, спали солдаты.

Женя шел и воображал себя героем увлекательной книжки, где война была не такой, какой он успел увидеть ее, а совсем-совсем иной. На реальной войне действовало много людей и техники, и лично от него, Колышкина, исход военных операций, представьте, не зависел. К тому же гвардейские минометы — «катюши» — непосредственно с противником не встречались, а, едва отстрелявшись, меняли район и укрывались в прифронтовых лесах. И хотя Женя крепко привязался к своему расчету, ему казалось, что главное на войне проходит мимо него. Взять хотя бы эту дурацкую историю с госпиталем...

«Мои друзья крепко спят в опочивальне замка, хрустя прохладными простынями. В этом сумбуро мужском обществе заключена неповторимая прелест: полная раскованность, никаких условностей. *Pas des conventions — la liberté complète**. Штора в окне едва колыхалась. Кони шуршали по траве. Все предвещало восхитительное утро, полное блестательных поединков и побед...».

Так фантазировал он и вдруг остановился. Он увидел — возле машины связи спала девушка с золотистыми волосами. Голова ее утопала в цветах. Луна освещала прекрасные черты. Покрыта она была чем-то темным, но, видно, легким, воздушным. А может быть, это сама ночь укрывала ее...

Колышкин сделал шаг в ее сторону, и еще один, и еще... как кролик, идущий к удаву. Но

нашел в себе силы остановиться и смотрел, как она ровно дышала, как уронила белую ладонь на темную, ночную траву. Потом она медленно приподняла ресницы, и вдруг глаза ее распахнулись. Не изменив положения, она что-то сказала. Женя не слышал что, он только видел, как шевельнулись ее губы. Он хотел спросить ее, о чем она говорит, но не решался. А девушка сно-ва проговорила что-то...

— Что? — спросил Колышкин шепотом, чтобы не нарушить фантастичности ночи.

— Ну чего вылупился? — сказала девушка.

— А-а, — оторопел Колышкин, — ну, ладно... — И на цыпочках пошел прочь. Потом он оглянулся и увидел, как она обернулась, поднесла руку к губам и сделала какой-то тайный знак. А он никак не мог понять, что же это все-таки значит...

Конечно, будь он ближе, он увидел бы, что она попросту зевнула и прикрыла рот ладонью.

Стало светать. Луна куда-то закатилась, и Лешка, пристроив за спину автомат, полез на раскоряченную сосну. С дерева он увидел солдат, разметавшихся за машиной на плащ-палатках, младшего лейтенанта Ромадина, который даже во сне сохранял на лице строгое выражение. Увидел Колышкина, который ходил вокруг машины и поглядывал и похлопывал ее, словно это было живое существо.

— Вот лунатик, — сказал Лешка, повернулся в другую сторону и увидел спящую девушку. Он поднес к глазам бинокль, и смутные очертания девичьей фигуры приблизились.

Сверху Зырянову казалось, что Колышкин

* Вне условностей — полная свобода (франц.).

всесело поглощен созерцанием военной техники. Между тем Женя ни на мгновение не забывал о присутствии удивительного существа с золотистыми волосами. Обходя машины, он нет-нет да и поглядывал на спящую. И ему захотелось стать необыкновенным, совершив что-то, обратить на себя внимание. И, вероятно, ища выхода своим несбыточным мечтам, он встал на подножку машины и восхлинул шепотом:

— За великого русского писателя Льва Николаевича Толстого и его родовое поместье «Ясная Поляна» — залп!..

Девушка поплевалась во сне, но не проснулась на этот раз. А он уселся в кабину и снова посмотрел на спящую.

— За великого писателя наших союзников Семюэля Лантгорна Клеменса, известного под псевдонимом Марк Твен (жаль, что она не видела, как эффектно он восседал за рулем), — залп!..

И вдруг то ли сама по себе, то ли Колышкин коснулся чего-то там невзначай машина тронулась и покатила под уклон. Женя заметался на сиденье, нажимал ногами на педали, хватался за рычаги.

Лешка ахнул и, почти не касаясь руками сучьев, метнулся с дерева. И тут случилось самое страшное.

Красные хвосты полоснули по земле за машиной, и несколько ракет с оглушительным ревом сорвалось со спарок и исчезло за деревьями. Младший лейтенант Ромадин вскочил, держась за ягодицы, из-под ладони пробивался дымок. Лешка прыгнул на подножку мчащейся машины.

— Фрицы! — крикнул кто-то.

Из горящего перелеска выбегали маленькие черные фигурки и метались по полю.

— Фрицы!

— Товарищ гвардии младший лейтенант, это я скомандовал огонь! — задыхаясь, выговорил Лешка, выпрыгнув из остановленной машины.— Я!.. Я скомандовал... Там фрицы, видите?!

Обожженные немецкие парашютисты стояли перед Мушегяном. На траве валялись автоматы и какие-то штуковины неизвестного назначения.

— Вы что же, накрыть нас хотели? — спросил Мушегян у немцев.

Молчание.

— Ну что ты будешь делать! — огорчился Мушегян.— Кто-нибудь знает немецкий, хотя бы в пределах семилетки?

Все смотрели друг на друга и опускали глаза.

— Э-э, и чему вас только учили! — вздохнул Мушегян и добавил типе: — И меня тоже...

И тогда Лешка Зырянов вышел вперед и сказал неуверенно:

— Товарищ гвардии майор, у нас Колышкин умеет.

— Ну? — оживился Мушегян.— Что ж ты молчал? Иди допрашивай.

Женя стоял подавленный случившимся и не сразу понял, что обращаются к нему. Он знал, что совершил преступление, за которое понесет страшное наказание. Он видел закопченное лицо младшего лейтенанта Ромадина, видел его скучные глаза и обгорелую одежду и понимал, что он, Колышкин, обречен. И он произнес, страдая, с трудом подыскивая слова:

— Товарищ гвардии майор... мне очень жаль... я знаю немного по-французски, но...

Майор почему-то обрадовался.

— Ладно, давай по-французски.

Однако, заметив, как робко и боязливо Колышкин приближался к немцам, майор насторожился.

— Может, ты знаешь «хальт», «хенде хох» и «капут»? Тогда уходи.

И Женя ушел бы, но как раз в этот момент рыжий немец сказал Колышкину фразу, которая кончалась уже знакомыми словами:

— ...гебен зи битте айн цигаретте...

— Покурить просят,— выдавил Женя, приходя в себя.

— Сколько их было? — спросил майор.

Путая немецкие и французские слова, Женя пытался перевести вопрос, но немцы догадались сами, ответили хором и показали на пальцах.

— Одиннадцать,— сказал Женя.

— Где остальные?

Колышкин спросил, отчаянно жестикулируя.

Немцы снова ответили хором, и он услышал слово «капут».

— Умерли,— сказал он радостно и поправился,— в смысле убиты.

— Как они здесь очутились?

Немцы ответили, перебивая друг друга. Торопились. И Женя, конечно, не понял ни единого слова.

Казалось, позор неминуем. Но, к счастью для нашего героя, само пророчество в образе связистки с золотистыми волосами поспешило к нему на выручку.

— Так это же радиосигнализаторы,— сооб-

щило «пророчество» благосклонно, и Женя увидел прекрасную незнакомку. Она повертела в руках одну из «штуковин», что валялись рядом с обгоревшим парашютом.— Если это включить, сразу «юнкерсы» прилетят...

Картина была ясна. Всем. В том числе и нашему герою.

— Merci beaucoup, je compris déjà *,— бросил он девушке и повернулся к майору.— Значит, дело было так. Их сбросили с самолета. На парашютах... Они должны были пробраться к нам и подбросить радиосигнализаторы. Но едва они высадились, как по ним...— Женя жестом показал, как взлетели его ракеты.

— Молодец... Полиглот,— улыбнулся Мушегян.

Ефрейтору Захару Косых очень понравилось непонятное слово, похожее на кличку, и он расхохотался. Брови майора взлетели.

— А между прочим, кто дал команду?

Все молчали.

— Я спрашиваю, кто стрелял? — повторил Мушегян.

— Гвардии рядовой Колышкин,— упавшим голосом доложил Ромадин и добавил,— вернувшийся после излечения.

— Колышкин — ты? — спросил Мушегян.

Женя кивнул.

— Молодец.

У Колышкина был глупый вид, у младшего лейтенанта тоже.

— Молодец,— повторил Мушегян на этот раз без улыбки.— Ромадин, отправишь его в штрафроту.

* Благодарю, я уже понял (франц.).

— Есть отправить его в штрафроту! — сказал Ромадин с воодушевлением.

Вот так бесславно, не успев начаться, закончилась военная биография Евгения Колышкина, вчерашнего школьяра, и нам остается только признать ошибку в выборе героя, который не только не может служить образцом для подражания, но и вообще недостоин быть героем комедии. Характер его неустойчив, нетверд, и, как видите, он поставил нас перед необходимостью прекратить комедийное повествование и перейти к драматическому. Однако снова провидению было угодно проявить благосклонность к нашему непутевому герою, и в самую критическую минуту оно возникло перед майором на этот раз в облике молодого вестового, который звонко доложил:

— Немцы сбросили парашютистов... одиннадцать человек. Для поиска нашего дивизиона, чтобы сообщить бомбардировщикам координаты. Приказ из штаба дивизии: найти десант и ликвидировать.

Найти и ликвидировать? Да вот же они! Найдены и ликвидированы.

Мушегян покрутил усы, взглянул на бледного Колышкина и сказал после паузы:

— Вот что, Ромадин. Отправишь его в штрафную роту, если он позволит еще что-нибудь подобное... Надеюсь, ясно?

Женя не поверил своим ушам и сказал с радостным облегчением:

— Ну естественно... — затем спохватился: — Так точно!

Глубоко разочарованный Ромадин вздохнул и, опустив голову, побрел к лагерю.

Его догнал Лешка Зырянов.

— Товарищ гвардии младший лейтенант, тут деревня... близко совсем... разрешите добежать, во-о-он за лесочком. Я мигом.

— Ну что бы разбудить меня, Зырянов, — сказал расстроенный Ромадин. — Опять из-за вас история. Пятно на весь расчет.

— У меня родственница там. Я с ней два года не виделся.

— На этот раз вывернулись, — сказал Ромадин. — Но больше я покрывать вас не стану. Теперь держитесь...

— Она ждет меня, плачет, наверное...

— Плачет, — повторил Ромадин и вдруг закричал: — Ырна! Кру-гом!

Правдами или неправдами, Лешке Зырянову удалось все-таки повидать Женечку Землянику. Она возилась с проводами, а он шел мимо и бросил небрежно:

— Чего ж не пришла-то?

— А ты ждал? — спросила она, не оставляя дела.

— Факт. — Лешка достал папироску.

— Не привык ждать? — спросила Женечка, и Лешке не понравился ее тон. — А я люблю, когда меня ждут.

— Ты подумай. — Лешка усмехнулся.

— А вот и подумай, — сказала Женечка и ушла.

Ушла! Этого Лешка не ожидал. А знаете ли вы, какие девочки сохли по нему и проливали слезы! И все-таки она ушла. Это был факт. И с этим нельзя было ничего поделать. Разве что досадливо сплюнуть. И Лешка сплюнул.

А на следующее утро — опять ничего фронтового, ничего, что хоть чем-нибудь напоминало бы войну. Представьте себе великолепную лесную поляну, разукрашенную цветами, замаскированные «катюши», напоминающие киоски в каком-нибудь парке культуры, а на самом верху, словно венчающего крышу киоска, — большого пестрого петуха, горланившего утреннюю песню. Представьте себе младшего лейтенанта Ромадина, тщательно и неторопливо выбравшего себе щеки, Лешку Зырянова, делающего гимнастику, полууголых умывающихся Захара Косых и Женю Колышкина, и вы окончательно перестанете верить, что все это происходит на войне, в каких-нибудь десяти километрах от передовой.

Так вот, в это прекрасное утро, в этой вполне мирной обстановке совершилось событие, последствия которого еще долго были на устах у героев нашего повествования.

Ефрейтор Захар Косых обливался с наслаждением, крякал, фыркал и гоготал. Воспользовавшись тем, что Колышкин намыливал лицо, он опорожнил всю посуду с водой и радостно хлопал себя по животу, по бокам, наслаждаясь самим фактом своего существования.

Колышкин ощущую пощарил по пустым ведрам, котелкам, но воды не оказалось.

— Чего шаришь-то? — сказал Захар. — Нету воды, кончилась водичка... Поди к связистам — у них там полная бочка.

Не подозревающий подвоха Колышкин, нелепый в своих широких трусах, с намыленным лицом, бодрой слепой рысцой направился к машине связи.

Он, конечно, не заметил, что на ее капоте

был укреплен фанерный щит, на котором написано безапелляционно:

«Кто сунется — врежу!!! Земляникона».

Он обогнул машину и кинулся на плеск воды. За машиной, за развесанной плащ-палаткой, обнаженная, слепая от мыла Женечка Земляникина, склонившись над бочкой с водой, намыливалася золотистые волосы. Колышкин, ничего не видя, кинулся к воде и стал торопливо смывать с лица мыло. Некоторое время они касались друг друга плечами. Потом она спросила, не открявав глаз:

— Маш, а Маш, ты поставила чайник?

— Что? — не понял Колышкин.

И тут Женечка открыла глаза и, увидев рядом с собой существа иного пола, нанесла нашему герою сокрушительный удар. Он свалился под плащ-палатку. Открыл глаза. И увидел за кустом неподвижную, как изваяние, прекрасную незнакомку, прикрывшуюся гимнастеркой.

— У нас на лесозаготовках тоже одна была, — сказал Захар Косых, — Капитолиной звали. Кто сунется к ней вот вроде него (это про Колышкина), она кулаком по роже, кто опять — табуреткой. Это она кокетничала.

Гвардейцы несли ящики и смеялись. И только Женя огорченно мотал поникшей головой, переживая печальный инцидент. Насмешки Захара были неприятны ему, и он пошел прочь.

— Э-э-э, погоди, — остановил его Захар, — ты слушай, слушай, когда дело говорят. Баба, она в душе — тоже человек и требует к себе уважения. Ты с ней по-нашemu, по-простому, она за тобой куда хошь пойдет... А тебе бы сразу лапать, да?

Все опять засмеялись.

— Ну, Захар,— сказал Женя с отчаянием,— ты натура цельная, гармоничная, а я, увы! — И пошел куда глаза глядят.

Захар долго смотрел ему вслед, не понимая. Что-то недоброе послышалось ему в словах Колышкина, а что — не разобрал. И крикнул вслед на всякий случай:

— Это кто это цельная? Кто это цельная?! Тебя бы на лесозаготовки, я бы посмотрел, кто из нас цельная! — И добавил неожиданно: — Пылеглот!

С тех пор эта кличка прилипла к Колышкину. Никто не называл его иначе как полиглот, или полеглот, а кто и пулеглот, кому как больше нравилось. Впрочем, один человек называл Женю по-иному. Но об этом вы узнаете, познакомясь со следующей главой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

**Повествует о том,
как наш герой вступил в поединок
с Женечкой Землянкиной, и о том, как
сразил ее своим красноречием,
о чем она, однако, так и не узнала**

Она спускалась с пригорка в благоухающую цветами лесную поляну, словно ангел с небес! Она шла среди этих цветов в шинели нараспашку, вскинув голову, загадочно улыбаясь! И все смотрели на нее, солдаты и офицеры, и Лешка глядел ревниво и уничтожающе, но она не заме-

чала. Она шла к машине, возле которой, грустно нахохлившись, стоял Колышкин с перевязанным горлом.

И она хлопнула его по спине, по-свойски эдак:

— Как жизнь, ежик?

Он молча повернулся к ней, недоуменно глянул.

— Что это? — сказала она.— Опять чиряк? Ну ничего, Германия близко. Там пиво, говорят, потрясающее. Подлечиешься.

А Лешка слышал этот разговор и потому ехидно заметил:

— Сестра милосердия...

Женечка словно не слышала. Она схватила коробку папирос, лежавшую на крыле машины:

— Ого! «Беломор»? Посидим — покурим?..

Колышкин попытался уйти, но Женечка остановила его, сунула ему под нос галету.

— Благодарю вас,— сказал Женя сухо,— я сыт.

— А ты представь себе что-нибудь вкусненькое. Я, например, всегда конфеты представляю. Вот до войны, например, была «Клубника со сливками». Потрясающие!

Пока она говорила, подошел Захар Косых, взял галету и ёхнул ее под смех солдат.

Конечно, она нравилась Жене. Даже такая деланно развязная. И уйти от этого было невозможно. Но не вести же утонченный разговор, над которым все смеются. Хватит. Надо наконец быть мужчиной!

— Пойдем за дерево, посидим? — вдруг предложил он, громко и развязно.

Она оторопела в первое мгновение.

— О, какой ты!.. Сразу в уголок.— И за-

смеялась, и вдруг пожалела его.— Ладно, ты не сердись, что я тебя тогда...

Он понял, что опять проиграл, и сказал все с той же развязностью:

— Ну что вы, я уже забыл давно. Слабый пол. Что с вас взять?.. — И пошел прочь.

— Эт-т-то потрясающе! — пробормотала она. Но как-то иначе, без лихости и высокомерия.

А что же Лешка Зырянов? Позабыл про обиду или утешился с другой родственницей? Не беремся судить. Вскоре один незначительный случай помог пролить свет на Лешкины душевые тайны.

Женя копал землю вместе с солдатами, надо было вырыть углубление для колес машины. Он бросал землю и поглядывал через плечо. Там хлопотала Женечка Земляникона, то показывалась в окошке фургона, то исчезала.

И вот тут-то Зырянов, перехватив Женин взгляд, сказал тихо и по-дружески:

— Слыши, ты к ней не лепись напрасно. Была б у тебя звездочка — другой разговор. Командир полка у нее, понял?

— Товарищ Караваев? — это спросил Захар Косых. Он спросил почтительно, без всяких намеков, просто уточняя факт.

— Так он же старый, — не поверил Женя.

— Хе-хе, — Лешка поплелась на руки. — «Два бойца» смотрел?

— А при чем тут это?

— Очень просто. — Лешка всадил лопату по самый черенок. — Полковник на киноартиста Бернеса походит. Одесса-мама. Понял?

— Нет. — Женя пожал плечами.

И словно подтверждая Лешкины слова, из-за машины показался полковник Караваев, который и впрямь был похож на популярного артиста, только был он немного старше одессита из фильма. И он прямехонько направился к Женечке Земляниконой, взял ее под локоток и о чем-то заговорил с ней, приторно улыбаясь. А она тоже улыбалась и кивала ему. Улыбалась! «Эполеты, аксельбанты, галуны, кирасы, мазурки, тра-ля-ля, — с грустной ironией думал Колышкин. — Какие прекрасные лосины!.. Вы знаете, они вам к лицу. Не желаете ли лосины? С повидлом. А может быть, марципаны? Или, например, трюфеля?.. Я вам открою некоторый текст слов: одиночный мужчина тоскует по ваших глаз... Я увезу вас к морю, потому что в Одессе имеются многих таких вещей, которых не обладают других городов...».

— Вот так, пацан, — горько заключил Лешка.

А потом лил дождь. Осенний. Затяжной. Машины остановились в полуразрушенной деревне. Женечка замешкалась в кабине и теперь боялась сойти с машины, которая всеми колесами утопала в яме с водой.

— Эй, ежики! — крикнула она и замахала руками.

Гвардейцы, спасаясь от дождя, стремительно бежали к домам.

— Эй! — снова крикнула она.

— Ничего, выберешься, — позлорадствовал Лешка, не оборачиваясь.

Но Колышкин не выдержал. Ну и что с того, что Караваев? Он, Колышкин, выше всего этого. Надо быть мужчиной! И с решимостью ры-

царя он бросился к ней, схватил ее на руки, словно спасал от смертельной опасности. Но, кажется, он переоценил свои силы и недооценил ее веса. Вода залила сапоги, ноги увязли, и не успел он сделать и двух шагов, как покачнулся, и если бы не подспевший Захар, они упали бы оба. Захар подхватил Женечку, как раз в тот момент, когда Колышкин мягко повалился в воду.

— У нас на лесозаготовках Капитолина в прорубь провалилась... Вот смеху-то было.— Захар поставил Женечку на твердое место и пошел догонять товарищей.

Женечка смеялась. Обидно, громко. Колышкин выбрался из воды и пошел мимо связистки, и был он похож на промокшего котенка. Она сжалилась и протянула конфетку.

— Держи, воин.

К чему это она? Неужели мало всего?

— Благодарю вас,— сказал он с нелепым достоинством,— я конфеты с детства не ем.

И гордо стоял под дождем. Теперь ему было все равно.

— А ты уже совсем взрослый, да? — подтрунивала она.— Это потрясающе! — И побежала к дому.

А он даже не взглянул ей вслед. «С меня достаточно, сударыня,— подумал с презрением,— я позабыл о вашем существовании, едва вы скрылись за пеленой дождя».

Холодный ветер давал себя чувствовать, и Колышкину пришлось торопиться. Он бежал по пустынной деревне, промокший до нитки, продрогший, и ему захотелось солнца, и яркой зелени, и красных крыш... Распахнуть мушкетерский плащ, обнять друзей своих — Лешку,

и Захара, и Ромадина. И он вообразил, что они тоже мушкетеры и тоже со шпагами. Но что это? Чьи-то крики? «На помощь!» Это женщина молила спасти ее... О, как он расправился с подлыми канальями! Нескольких уложил на месте, остальных обратил в позорное бегство. И когда распахнулась дверца кареты и вышла изумленная Женечка Земляникона в кружевах и шелке и благодарно протянула ему руку, он, небрежно склонившись, едва прикоснулся к ее холодной ладони и гордо удалился, не требуя благодарности. О, как она зовет его вернуться. Напрасно, сударыня!..

Изба была полна, когда Колышкин в ней появился. С потолка стекали струйки воды. И от этого, да еще от мокрых сапог на полу стояли лужи. Хозяйка вытирала пол, а вода все натекала.

— Мамаша, — сказал Захар, — инструмент не найдется? Крышу надо бы залатать.

— Сейчас, сыночек, — сказала она, отжимая тряпку.

А Женя тем временем стаскивал сапоги и выливал из них воду, словно из ведер. И с трудом унимал дрожь.

«Право, здесь райское местечко... Когда мы победим, я обязательно воспользуюсь вашим любезным приглашением, дорогая хозяйушка... Однако вы обещали познакомить меня с вашей очаровательной дочерью». Так он думал от имени героя увлекательного романа, пробираясь к столу, за которым ужинали, и очень дрожал от холода. «Вальдшнеп? Сыр? Вино?.. О, благодарю вас... Ломтик холодной телятины и ром — этого достаточно. Я солдат, мадам...».

Но у стола его ждало горькое разочарование:

все уже поели и попили кипяточку и начали расходиться и укладываться кто куда.

«Ну что ж,— подбадривал себя Женя,— чрезмерная пища расслабляет. Шпагу — на кресло, плащ — в гардероб, ботфорты — к камину... Так где же ваша очаровательная дочь?.. Et ou est votre fille ravissante, madame? *

Пока он парил в облаках, на земле не осталось и места, чтобы прилечь. Только под русской печью кончик узкой лавки, на которой промстился младший лейтенант Ромадин. Женя попытался пристроиться на корточках в ногах Ромадина, но младший лейтенант вытянул ноги, и Женя пришел в отчаяние.

— Лезь ко мне, у меня тепло,— послышалось с печки из темноты.

— А ты кто? — спросил Женя, трясясь от холода.

— Лезь, какая разница.

— Обожди,— по-деловому сказал Колышкин, унимая дрожь,— я ноги вытру.

— Какая разница,— произнес тот же голос.— Лезь.

Колышкин взобрался на печь, за ситцевую занавеску, в духоту. Стал стягивать гимнастерку.

— Тебя как звать, пацан?

— Мария Андреевна,— ответил «пацан». Женя замер.

— Ну, двинься ближе, чего ты? — запечатала Мария Андреевна и потянула его к себе.— Двинься, дурачок...

— Манька,— сказала хозяйка лениво, — смотри у меня...

* Где ваша очаровательная дочь, мадам? (франц.).

— Тебя не спросилась,— лихо ответила Манька и снова потянула Колышкина к себе.— Ну двинься, чего ты?.. Ой, сердце-то у тебя как бьется.

— Пустите,— попросил он обреченно.

За занавеской происходила борьба.

— Да ты что, неживой, что ли?! — шептала Манька.

— Пустите, Мария! — потребовал Колышкин срывающимся голосом.

— Мария... Как же — Мария,— проворчала хозяйка презрительно.— Дура белобрысая, а не Мария... — И ушла в сени.

Колышкин свалился с печки, как с облаков. Загремела развалившаяся поленница. Проснулся Ромадин. Вшел Захар, покачал головой.

— Ну ты — ходок!

Косых улегся в самую тесноту, на пол. Растолкал мощными своими плечами товарищей, уже спящих.

— Ну-ка, маленечко... — распустил ремень, выдохнул и закрыл глаза блаженно. Вот так просто растолкал и уже спит. Крышу починил. Не течет больше. И другим хорошо, и ему.

А что Колышкин? Привалился к двери. Сыро, дует из щели и некуда девать длинные ноги, хоть плачь.

Дивизион медленно продвигался по осенним дорогам. В кабине машины связи покачивалась на сиденье Женечка. Ее лицо маячило сквозь стекло. Оно покачивалось, наклонялось, словно Женечка все время здоровалась с Женей: «Здравствуй, здравствуй». На каждом повороте, на каждом ухабе.

«А вы напрасно иронизировали насчет моего возраста,— думал Колышкин.— Мне уже девятнадцать. Да, девятнадцать. Через пять месяцев. А это не так уж мало, представьте... Уже пора, знаете ли... чем-то о себе... что-то после себя...».

— Захар, дай редисочки,— попросил сосед у Захара.

— Последняя,— сказал Захар и достал из кармана новую редиску и с хрустом откусил, и белый кружок в красном ободке закачался в его руке, словно диковинный осенний цветок.

А воображаемый спор разгорался.

«Что? — воскликнул Колышкин в душе.— Полковник — ваш супруг, а любить вы будете меня?.. Я понимаю — в прошлом... социальные условия... мадам Бовари...».

Так храбрится наш герой, бросая в глаза Женечке вызов оскорбленного сердца, и песенка, та песенка, что должна сопровождать титры, вдохновляла его:

Если правду прокричать вам мешает кашель,
не забудьте отхлебнуть этих чудных капель,
перед вами пусть встают прошлого примеры...
Капли датского короля пейте, кавалеры!

Он подтянулся к Женечке, нашупал ее руку. Но это он, оказывается, задремав, потянулся к Захаровой редиске, к цвету... И получил щелчок. Было больно, пилотка свалилась в грязь.

— Ну чего... Чего лапами-то шаришь! — разгневался Захар.

Женя спрыгнул с машины за пилоткой, а все хохотали. И Колышкин в сердцах вообразил собственную смерть, и как они все плачут. Рыдают. Все — и Лешка, и Захар, размазывая слезы по толстым щекам, и младший лейтенант

Ромадин. Они рыдают, склонившись над фронтовой газетой, в которой — большой портрет его, Колышкина, в траурной рамке. И они, конечно, сожалеют, что были так несправедливы к нему. Рыдает Женечка, не сводя глаз с траурного портрета. И сам он, Женя Колышкин, с удивлением и тоской рассматривает свое изображение в газете, и слезы дрожат на его ресницах. «На моем мужественном лице — ни тени растерянности. В моих глазах — презрение к смерти. Это последнее ощущение. Я не чувствую ни страха, ни боли. Я сливаюсь с природой. Теперь можете смеяться, сударыня. Мне это уже глубоко безразлично».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Повествует о том,
что на войне бывает все,
даже то, чего не бывает

Был морозный рассвет. Цепочка «катюш» двигалась среди сверкающих снегов.

— ...Они вышли к берегу голубого моря под палящим солнцем,— рассказывал Женя.— И целая роща кокосовых пальм открылась их взору. «Райское местечко!» — сказал рыжий Джек и срезал у ореха верхушку и с наслаждением принялся пить прохладное молоко...

— Вот сука,— покачал головой Косых.

— Здоровый орех! — сказал Лешка.— Две поллитры враз вмещает.

Колышкин сидел, как всегда, спиной к кабине, и ему хорошо была видна идущая за ни-

ми машина связи, а в ней Женечка в белой по-
венькой ушанке.

— «Мы спасены!» — воскликнула красотка Кэт, и слезы брызнули из ее голубых огромных глаз. Потом они построили в тени пальм легкие хижины, — продолжал Женя, — теплые ветры доносили по вечерам запахи джунглей, и звуки прибоя ласкали им слух...

Лешка захочтал, зажмурился, закрутил головой. Колонна остановилась. Это была передовая. Уже видны были ходы сообщения, темные на белом снегу блиндажи. Среди полусожженных деревьев громоздились замаскированные машины, орудия, транспортеры. И было много военных, а еще больше следов на снегу, так что снега-то самого почти что и не было.

— Эй! — крикнул Мушегян, высунувшись из кабины. — Живы?

— Живы, — сказал Лешка, улыбаясь замерзшим ртом, и все попрыгали с машин, разминяясь и грелись на ходу.

Посреди роскошного немецкого блиндажа, где от изгнанных хозяев еще уцелели надписи по стенам, стояла елка с игрушками. Шел последний день сорок четвертого года. В блиндаже было пусто, и только Колышкин, получивший от Ромадина очередной наряд, старательно готовил помещение к празднику. Он скреб стол ножом и, пользуясь одиночеством, разглагольствовал вслух:

— Я выше ваших подозрений, сударыня... И вот вам моя рука... Ха-ха-ха...

А Женечка Земляницина, в голубом платье по случаю наступающего Нового года, в полу-

шубке внакидку, стояла у притолоки и наблюдала с улыбкой за Женей. Вдруг он почувствовал ее взгляд. Обернулся.

— С наступающим, ежик! — сказала она. — А ты — парень хозяйственный...

Ему снова почудилась насмешка в ее словах. Он погас, спросил с неприязнью:

— А почему вы всегда иронизируете?

— Что ты, что ты, мальчик. — Помолчав немного, она спросила как бы между прочим: — А правда, ты со мной во сне разговариваешь? Косых девчонкам рассказывал.

Колышкин не стал отвечать. Взял веник, тупо скреб пол в одном месте.

— Как интересно! — засмеялась она. Потом приблизилась. Уселась на нары. Сказала ухарски: — Ну ты, заглядывай. Посидим — покурим. Чайку попьем...

— Благодарю вас, — сказал Женя сухо, — я чай не пью.

— А, понимаю, — засмеялась она, — ты к спирту привык.

— Предпочитаю, — поддакнул он, стараясь сохранить тон бывалого солдата, — чаем с конфетками будем на гражданке баловаться.

И тут уединение их кончилось. Бесславно, в общем. Послышался шум, и в блиндаж ввалились гвардейцы. Многие были с посылками... И Лешка Зырянов, оценив обстановку, съязвил:

— Что, пацана охмуряешь?

— Да, — сказала Женечка, — а что?

— А я слышу, — громко сообщил Захар, — почтарь орет: Колышкин, Колышкин... А это нашему Колышкину посылка-то. — И улыбнулся с плутовато.

Женя услыхал. Бросился к дверям, чтобы успеть перехватить почтарей с посылкой, и растянулся на полу от подножки Захара.

— Чего нашел-то? — крикнул ему Захар.

Колышкин пошел на него, сжимая кулаки. Назревал скандал. Подошел вплотную и...

— Ну-ка посмотри,— сказал Захар с издевкой,— чего это у меня в глазу-то? — и подставил ему глаз, выворотив веко.

Женечка оттолкнула Колышкина, чтобы скандал не произошел.

— Давай дуй, чего ты?.. Может, что вкусенько... Чайку попьем, как на гражданке.

Колышкин так и выбежал на мороз в одной гимнастерке. Пробежал до поворота траншеи. Остановился.

— Эх!..

Девчонки-санитарки крикнули со смехом:

— Может, догонишь! Они на передовую маxнули. Километров семь, не больше!

А в это время в блиндаже каждый занимался своим делом. Ромадин сидел у печурки и разглядывал фотографию брюнетки, и пламя играло на его лице, и оно улыбалось, и какие-то тайные мысли волновали младшего лейтенанта. Захар нарезал сало, полученное из дома, Лешка примерял перчатки так, словно это было самое необходимое на фронте. А когда вошел удрученный Женя, Ромадин уже разглядывал другую фотокарточку. Размякнув под взглядом прелестной блондинки, улыбающейся ему с фотографии, он сказал, умиляясь собственной добротой:

— Колышкин, отправляйтесь к почтарям. Я разрешаю. Только в двадцать три ноль-ноль быть на месте.

— Ну естественно! — крикнул Колышкин, ликуя.

— Не естественно, а так точно,— по-отечески поправил его лейтенант.

— Виноват, товарищ гвардии младший лейтенант, так точно,— радостно поправился Женя, бросаясь к выходу.

— Виноватых бьют и плакать не дают,— несколько устало и только для порядка строго остановил его Ромадин.— Идите.

— А спиртяга, спиртяга будет?! — заорал вслед Косых.

Колышкин забыл обиды. Он застегнул полу-шубок. Все-таки они прекрасны, его друзья.

— Мама обещала постараться,— сказал он и, обернувшись к Женечке, с очаровательной улыбкой: — А уж моя мама, знаете?..

Не станем описывать семикилометрового перехода Жени Колышкина от расположения дивизиона до передовой и того, с каким трудом удалось ему отыскать место, где расположились почтари! Скажем только, что было уже темно хоть глаз выколи. И это было похоже на чудо — найти почтарей в ночном хаосе снега, военной техники и ходов сообщения. Как бы то ни было, увесистая посылка была в руках нашего героя, и он вытер ладонью потное лицо и улыбнулся.

А почтари не улыбались. Одни спали, уставые после скитаний по фронтовым дорогам. Другие сидели и молча при свете коптилки жевали холодную картошку с тушенкой.

Скудная порция спирта давно была выпита, и, казалось, почтари вовсе позабыли, что сего-

дня праздник, что через какие-нибудь два часа наступит Новый год. И Женя сорвал материю с ящика, поднял крышку, а там — бутылки. Он поставил одну перед почтариами. Празднуйте, веселитесь... Нельзя же так: у одних — все, у других — ничего. Почтари оживились, разлили водку по кружкам, и как Женя ни противился, ему налили тоже.

— С наступающим, парень!

— Будьте счастливы!

Он почувствовал, как холодная жидкость обожгла изнутри, и через мгновение ему стало еще веселее, хотя и без того все складывалось как нельзя лучше. Закрывая ящик, он заметил рядом с домашним пирогом конфеты в бумажках.

— «Клубника со сливками»! — прочел он с восторгом. — Те самые!..

Накрывали праздничный стол, зажигали огни на елке. Ромадин наконец насмотрелся на фотокарточку шатенки, которую, в отличие от других, спрятал в карман на груди, поближе к сердцу. Затем накинул полушубок, сказал Лешке Зырянову расслабленно:

— Кто спросит, я у майора... — загадочно улыбнулся и пошел из блиндажа.

Зырянов долго смотрел на Женечку. Остролюбить не хотелось. Предпраздничное настроение внесло в движения и души мягкость, давно уже позабытую.

— Ты сегодня красивая. Огонь тебя освещает...

— Что это с вами сегодня? — удивилась Женечка. — Ну и Лешка.

— Я ведь давно на тебя смотрю, — сказал Лешка с грустью. Подсел, обнял ее за плечи.

— Лешенька, протри стекла. — Она мягко освободилась от его руки. — Была родственница — нет родственницы.

— Да какая там родственница! — крикнул он с отчаянием. — Ты что думаешь, я уж не могу всерьез?

— Ничего я не думаю. — Женечка отошла демонстративно.

— Продали! — обиженно закричал с нар Косых. — Полдома Витьке продали! Эх, папаша... — и снова уткнулся в письмо.

— Слов у меня нет, чтобы ты поняла, — сказал Лешка, подходя к Женечке.

Она уклонялась от него, уклонялась едва заметно, но настойчиво. Вдруг подошел Захар, некстати потянул Лешку за плечо.

— Эх, задарма продали, слышь?

Зырянов схватил Женечку, крикнул в самое лицо:

— Может, я всю жизнь на руках тебя буду носить!

— Это у тебя темперамент? — усмехнулась она. — Сейчас сгоришь...

— Да ты прочти, прочти, — попросил Захар, тыча письмо Зырянову.

— Ну чего ты привязался! Ну чего! — расцвирипал Лешка.

— Так дом-то мой, — с сознанием абсолютной правоты, удивляясь Лешкиному гневу, прохныкал Захар. — Пятистенный, под железом, сам бревна ложил...

— Ну и хрен с ним! — процедил Лешка, чувствуя, что потерял Женечку, может быть, навсегда.

Женя боялся опоздать и спешил, старался сокращать обходы, увязал в снегу и снова выскакивал на лесную тропинку.

«Клубника со сливками»? Ваши любимые конфеты? Что вы говорите? Право, я не обратил внимания. Нет, нет, я ничего не писал маме. Это просто совпадение. Угощайтесь, сударыня!»

Часы показывали без одной минуты двадцать три. Женечка взглянула на двери.

А Женя Колышкин уже спрыгнул в окоп. В темноте едва проглядывали машины и повозки. Стоял ровный непрекращающийся гул. Летели искры.

Колышкин зашагал туда, где из щели пребывал свет. Его уже ждали: с двух сторон его подхватили под руки.

— Ой, щекотно! Ой, умру!.. Лешка, довольно!.. Захар!.. — Яркий свет ослепил его. Звучала музыка.

Он открыл глаза. Под ногами лежал пушнистый, удивительно красивый ковер, покрытый белоснежной скатертю стол стоял посередине.

— С Новым годом! Вот она! — Колышкин торжественно поднял посылку и обомлел: за столом сидели...

НЕМЕЦКИЕ ОФИЦЕРЫ!

Они смотрели на Женю.

А он стоял между двумя здоровенными фрицами, застыв в неловкой позе.

Один из немцев что-то доложил, подошел к столу и поставил ящик перед недоумевающим полковником.

Полковник, вымуштрованный пруссак, полуобернувшись, о чем-то спросил по-немецки.

И кто-то сказал, тщательно выговаривая:
— Что есть это?

Наступила томительная тишина. Немцы внимательно смотрели на Женю, а Женя тяжело дышал и никак не мог понять, что же произошло.

Это был бред, тяжкий сон. Но почему так больно вывернуты его руки? Он попытался освободиться, но его сдавили еще сильнее. Все пропало! Конец!

— Что есть это? — снова повторил переводчик.

И вдруг Колышкин вытянулся, набрал воздух в грудь и громко заговорил, не понимая, откуда что берется.

— Это... Это есть с Новым годом... Господа! По случаю Нового года мне поручено передать вам поздравления. Примите уверения и этот скромный подарок.

Переводчик перевел. Немцы очень удивились.

Полковник кивнул на ящик. Поднесли милюскатель. Потом с ящика осторожно сняли крышку, извлекли бутылки.

— О? — удивился полковник.

Немцы переглянулись: загадки русской души, рождественская сказка.

Полковник усмехнулся и достал из ящика пирог, конфеты «Клубника со сливками».

— Ну вот, — грустно сказал Женя, — а теперь я пойду... — и направился к дверям, но два немецких унтера загородили дорогу.

— Нет уж вы, пожалуйста... — начал Женя и замолчал.

Лица немцев были непроницаемы. Дверь распахнулась, и в блиндаж ввалился мордастый эсэсовец. Шинель внакидку. Видно, ему сказали про русского, и он прибежал сюда поскорее.

Эсэсовец что-то сказал полковнику. Женя не понял ни слова, а если бы он знал немецкий, ему пришлось бы содрогнуться.

— Тут что-то не так. Все вранье. Надо пристрелить его! — сказал эсэсовец.

И он полез за пистолетом, но полковник остановил его и о чем-то быстро, едва слышно заговорил. А тот кивнул и, встав, распорядился:

— Задержите Ивана! Напоите его хорошенько.

Женя, конечно, не понял. Его потащили к столу, а он сопротивлялся как мог.

— Нет, нет, мне необходимо идти. Я опаздываю. Совсем не обязательно меня угощать.

Переводчик переводил, немцы хохотали.

— Шапка. Где моя шапка? — спохватился Женя, выпив то, что ему налили. — Мне надо идти. Нах хаузе. Меня ждут. Я есть сытый. Честное комсомоль... Мне достаточно. Я никогда столько не пил.

Так он отбивался, из последних сил стараясь показать, что он вовсе их не боится, потому что он парламентер, а парламентера они не имеют права... Не имеют?.. Хмелея, Женя чувствовал страх и полнейшую беззащитность. Он не понимал, для чего его так долго держат за столом, что они затеваюят. Ему было горько от сознания своей вины перед друзьями.

Когда до двенадцати оставалась минута, переводчик похлопал его по плечу...

— Нишево, встретишь Новый год берлинское время.

Женя вдруг возмутился и произнес вызывающе:

— Шнапс, битте... — И сам налил себе и выпил. — Я привык, знаете ли, по-московскому. Ничего не поделаешь...

В нашем блиндаже сидели кто где. Новый год уже встретили, спирт выпили, танцевали под патефон. Женечка волновалась за Колышкина. То и дело выскакивала из блиндажа и снова возвращалась в тревоге. Захару захотелось развеять ее грусть, и он сказал искусственно бодро:

— Пропал пылеглот. Срубали его волки вместе с посылкой. — И засмеялся собственной шутке.

— Да хватит тебе! — оборвала его Женечка.

— Ну вот, — обиделся Захар.

Вернулся солдат из караула. Она — к нему. А он покачал головой, развел руками.

— Нет, с ним определенно что-то случилось, — сказала она, глядя на часы.

А Лешка наблюдал украдкой за ее волнением, досадовал, мучался и курил папиросу за папиросой.

Что поник, Колышкин? Не знаешь, чем кончится для тебя эта новогодняя ночь? Поверили ли немцы твоей выдумке? И вообще, удастся ли выбраться из этой кошмарной ситуации?

Женя опьянел. И все его тревоги теперь существовали как бы не в нем самом, а где-то рядом, будто все это случилось не с ним, а с кем-то другим, в какой-то книжке. Он старался

изо всех сил сохранять подобающую парламентеру осанку, но это не всегда ему удавалось.

Переводчик — теперь Женя хорошо разглядел его аристократическое лицо — был почти ровесник Кольшикина. Он все время наблюдал за «гостем», и Женю раздражали в нем надменность и оттенок некоторого превосходства. Когда немец, налив новую рюмку, сказал: — Пей, Иван! — Женя не выдержал: — Благодарю вас, мне достаточно, фриц.

Переводчик вспыхнул, но сдержался.

— Я не есть Фриц, я есть Зигфрид.

— А я есть Евгений, Женя.

И тогда Зигфрид, отдав должное храбрости и достоинству русского, сказал примирительно:

— Ешь, Эвгений.

Все это не укладывалось ни в какие рамки. Женя засмеялся и воскликнул:

— Нет, кто бы мог подумать! Гостеприимство... И внешность у вас обыкновенная, человеческая. Как ни странно.

Зигфрид улыбнулся Жениной пьяной наивности. Немцы пели хором детскую песенку про елочку. В углу какой-то пожилой фриц смотрелся и вытирая глаза платком.

Глаза Зигфрида подобрели. Он задумался о чем-то своем. И Жене вдруг захотелось помочь этим заблудшим. Это казалось так просто. Ведь люди же они, в конце концов!

— Послушайте, — сказал он Зигфриду, — вы им объясните, ведь это же глупо, бессмысленно... Вы же понимаете, что ваше дело... сами понимаете... Зачем же усугублять?

Зигфрид слушал грустно и рассеянно. Надменность исчезла. Он что-то хотел сказать, но только тяжело вздохнул. А Женя разошелся:

— Вы слыхали про Ялтинскую конференцию? — Мысли его путались, но он все хотел высказать самое главное. — Вот я живу на Арбате, возле зоомагазина. Знаете, это от площади...

Договорить ему не пришлось. Вбежал мордастый эсэсовец и что-то пролаял.

— Возьми это, — перевел Зигфрид. — Быстро. Это наш подарок... Здесь — пить, кушать. Только осторожно: там стекло.

Женя увидел ящик, перевязанный голубой лентой с аккуратной надписью:

«К НОВИМ ГОД!»

Так вот оно что! Они готовили посылку. Как все это нелепо и не похоже на правду.

— Ты понял? — спросил эсэсовец.

— Найн, — неожиданно для себя ответил Кольшикин.

Ему вдруг стало неловко за свой обман. Они поверили ему и вот посыпают в ответ настоящий подарок.

— Господа, это, право, излишне. Это нечестно... Это даже как-то неприлично... Мы — вам, вы — нам. Нет, как хотите, я этого не возьму, не возьму, и все!

Эсэсовец рявкнул и так взглянул на Кольшикина, что тот понял: придется взять.

Провожали его со всеми почестями, какие подобает оказывать парламентеру. И Женя шел и все недоумевал, никак не мог поверить в реальность происходящего. Мордастый эсэсовец шагал за ним, и он слышал его пьяную одынку и ждал: вот сейчас этот тип достанет пистолет...

Но его ловко подсадили на бруствер, подали ящик, перевязанный лентой, и ракета показала направление пути.

— Ауфвидерзен,— сказал Женя и в последний раз при свете ракеты увидел грустные глаза Зигфрида. Ему показалось, что тот кивнул ему едва заметно и даже улыбнулся.

Может, он понял намек Жени и при удобном случае сдастся в плен? Женя пожалел, что не узнает судьбы этого симпатичного человека, так жестоко обманутого фашистами.

Он бежал через поле по тропке, а ракеты все взлетали, и никто не стрелял — ни немцы, ни наши. Когда Колышкин нырнул в лесную чащу, ему стало весело и легко. Как бы то ни было, он перехитрил врага, он жив, да еще — трофей! Правда, «Клубника со сливками» погибла, но зато как удивятся его друзья, как удивится Женечка, когда он расскажет им, где побывал, как счастливо отдался, и покажет им ящик с голубым бантиком!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Повествует о том,
что иногда даже чистая правда
может казаться ложью

Колышкин добрался до своих, когда встреча Нового года была уже в прошлом. Он услышал в темноте голоса: говорили о нем. Он притаился. Это были Ромадин и Женечка.

— А может, его фрицы схватили? — беспокоилась она.

— Да какие там фрицы! — отмахнулся Ромадин.

— Ну а если?

— Ну а если... — Ромадин помолчал, — штрафнота давно по нем плачет.

— Нет, нет, не может быть, — заторопилась она. — Он просто заблудился!.. Что вы!

И голоса удалились.

Колышкин глянул на ящик, на эту бесспорную улику его преступления, и содрогнулся. «Где вы встречали Новый год? — спросит Ромадин. — У фрицев?.. Ах, у фрицев. И подарочек с ленточкой, да?.. От них? А за что?..»

Кретин! Как он не подумал об этом раньше!

Прячась от часового, Колышкин отполз от окопа и закопал ящик под елкой.

Никто не заметил, когда он появился. Колышкин стоял в блиндаже, прислонившись к столбу, прикрыв лицо ладонями. Тут и обнаружила его Женечка.

— Господи, — вскрикнула она, — наконец-то!

И Захар подскочил и радостно затанцевал вокруг Колышкина, обшаривая его:

— А-а-а, спиртяга, спиртяга... А где ж спиртяга-то?

— Оставьте меня в покое, — с пьяной грустью сказал Женя.

— Чего? — не понял Захар.

— Ну чего пристал к человеку? — Женечка оттолкнула Захара. — Значит, нету...

— Как это — нету? Как это — нету?! — расшумелся Захар.

— Конфет нет, — пролепетал Колышкин обреченно, — посылки нет, ничего нет. Финита ля комедия... — И усился на нары.

— Что, притырил посыпочку? — не унимал-

ся Захар.— Притырил? Накрылись твои конфеты, Земляникона, он их другой бабе скормил...

— Да погоди ты, Захар,— сказала Женечка и строго Колышкину: — Ты где был?

Колышкин поднял на нее умоляющие глаза.

А она смотрела строго, с недоумением. И все вокруг осуждали его.

А если она поверит Захару? Молчание становилось тягостным. И тогда он сказал решительно, словно бросился в холодную воду:

— Посылку съели немцы!

Захар загоготал громко и обидно. А потом рассвирепел:

— А может, медведи белые?!

Женечка махнула рукой, надела ушанку и собралась уходить.

Колышкин вскочил, покачнулся.

— Ну хорошо,— произнес он патетически.— Пускай! Идемте! Сейчас увидите... Идемте...

Ромадин посмотрел на часы. Было почти два. Кто-то из офицеров заметил:

— В два часа у фрицев Новый год.

Ромадин вышел из блиндажа, пошел по трапезе и выбрался на тропинку, только что проложенную Колышкиным. Около елки он остановился и почему-то взглянул на светящийся циферблат. Минутная стрелка подползла к двенадцати.

Едва он зашел за елку, что-то сверкнуло, ухнуло, и снег обрушился на Ромадина. Он опрокинулся, и в его сознании мелькнуло: «Минометный обстрел! Чуть не накрыло!» Он попытался выбраться из-под снега, но это оказалось не так-то просто.

К елке подошла ватага во главе с Колышкиным, который внезапно на глазах у всех куда-то исчез.

Очутившись на дне громадной воронки, Женя не понял, что же произошло.

— Извиняюсь; нету? — съязвил Захар и крикнул: — Брехло!

— Колышкин,— послышался слабый, размягченный голос Ромадина.

Младший лейтенант был убежден, что ему пофартило. А это Колышкину пофартило. Поэтому что младшему лейтенанту и в голову не могло прийти, что его солдат закопал под елкой немецкий «подарок» — мину с часовым механизмом. Он знал только, что хорошо отдался, и потому, увидев пропавшего без вести солдата, обрадовался и сказал почти ласково:

— Колышкин, а мы думали, вы к фрицам попали.

— Я к фрицам попал,— сказал Женя уныло, и все засмеялись. В том числе и Ромадин.

Он лежал на нарах лицом в овчинный полушубок. Женечка стояла над ним, пытаясь хоть как-нибудь облегчить его страдания.

— Ну чего скис? Тебя Захар заводит, а ты...

— Плевать,— сказал Женя.

— Меня у полковника угостили...— сказала Женечка.— Подумаешь, конфеты...

— Плевать...

Она рассердилась.

— А чего это ты расплевался?

— Меня успокаивать не надо,— огрызнулся Женя.— Может, кто-то другой в этом нуждается. Тот, кто вас ждет... с конфетами...

Сказал и испугался. Но она расслышала.
Взгляд похолодел.

— Что? Что ты сказал?

— Что?

— Ты что сказал?

— Что?

— Что-то про полковника, — безжалостно помогла она.

— Что? — растерянно и трезвея спросил он.

— Нужен ты очень, — почти крикнула она, добивая. — Подумаешь, ценность большая!.. — И пошла прочь.

Он, словно и не был пьян, резво так вскочил со своих нар, схватил ее за руку:

— Не уходите!.. Я сказал гадость. Ударьте меня, только не уходите.

Она была выведена из себя и мольбы его не приняла.

— У тебя бред, мальчик, — сказала с презрением. — Это пройдет. Просто, кроме меня, здесь никого нет... — И ушла.

— Нет, ты понял? — с недоумением сказал ему Захар и стал раздеваться. — Разыграл ее пылглот, — смеялся он. — Ну и правильно. Пускай ее там другие кормят. А мы и сами рубанем. — И вдруг заговорщики: — Куда посыплючку притырил? — и снова захохотал: — Пускай ее там полковники...

Колышкин с размаху ударил его по щеке. Терпение кончилось.

— Ты чего?! — взревел Захар, и тотчас Колышкин упал от его могучего удара. В блиндаже засмеялись, еще не понимая, что идет драка. Женя, нелено размахивая кулаками, бросался на Захара.

— Ну ты смотри, ты смотри! — кричал За-

хар. — Я тебя грамоте-то выучу! — и снова ударили Колышкина. — Пулеглот!.. — Колышкин опять бросился на Захара и замолотил его слабыми своими кулаками. — Ну ты смотри! — удивился Захар. — Как клещ прицепился! Ну ровно клещ!

Их бросились разнимать, с шумом, с криками. Колышкина потащили из блиндажа, потому что он не чувствовал ничего, рвался на кулаки Захара.

— У нас на лесозаготовках, — сказал Захар, трогая щеку, — с такого враз сучки посбивали бы.

Он не заметил, как Колышкин вернулся, и прямо с ходу ударил противника ногой.

— Ну ты смотри! Ты смотри! — удивленно и даже обиженно крикнул Захар и так толкнул Колышкина, что тот отлетел в дальний угол блиндажа, прямо на спящего солдата.

— Что, немцы?! — вскочил солдат, протирая глаза.

— Свои! — ответил Захар, отдуваясь.

Женя после драки кулаками не махал. Он смотрел на свои кулаки, и в голову лезла всякая всячина:

«А что, если смешать керосин с персиками или розы с гуталином? Двухэтажные нары? — очень удобно. Наверху — умные, внизу — счастливые... Неси свой крест... Несу, несу, успокойтесь, сударыня. Зимой нет ни мух, ни комаров, ни кузнециков... А я есть всегда... Разговор еще не окончен...»

Очень хотелось пить. А воды не было.

Тут вошел Лешка с чайником в руке.

— Что, спиртят? — тихо спросил Захар и
попал к своему месту. — Сейчас... — вытащил
сверток, оттуда — кусок домашнего сала.

Они выпили спирту. Закусили.

— Еще пожалеет, — грустно сказал Лешка
о Женечке.

— Сам первый меня по морде, — пожало-
вался Захар.

— Все правильно, — рассеянно отозвался
Лешка, продолжая думать о ней.

— Чего это? — не понял Захар. И вдруг уви-
дел, что Женя пьет прямо из чайника.

Женя отхлебнул и зашелся в кашле. Думал,
что вода.

— Поди проспись, пацан, — рассердился
Лешка, вырывая у него из рук чайник. Женя
послушно отошел, слегка покачиваясь.

И вдруг вошел Ромадин. Перевязанный, ве-
селый... и потянул руку к чайнику.

Захар в ужасе поглядел на Лешку и быст-
рым движением убрал чайник со стола.

— Товарищ гвардии младший лейтенант, а
вы на лесозаготовках никогда не были?

— Давай воду, — потребовал Ромадин.
Лешка перехватил чайник.

— Позвольте, я воду сменю. Грязная. Как
бы не пронесло...

— Сойдет. — Ромадин взял чайник и подста-
вил кружку.

— Болотом отдает, — потерянно сказал Ле-
ша. — И еще чем-то.

— Сойдет. — Ромадин поднес кружку ко
рту.

— Товарищ гвардии младший лейтенант, —
сказал Колышкин, пьяно икая, — вы же не
пьете...

Ромадин засмеялся шутке. Уж этот Колыш-
кин! И отхлебнул. И задохнулся. Беспомощ-
но шарил по столу в поисках воды.

— Ну вот, — протянул ему котелок с во-
дой Колышкин. — Товарищ гвар... мла... лейте-
нант, после войны через Москву будете проез-
жать, позвоните, я вас со своей собакой позна-
комлю...

— Колышкин! — застонал Ромадин. — Вы у
меня добьетесь!

Если б на этом закончились новогодние зло-
ключения Колышкина, можно было бы вполне
удовлетвориться той милостью, с какой судьба
обошлась с нашим героям, однако новые собы-
тия повлекли за собой поистине роковую цепь
пагубных поступков... Да не покинет нас на-
дежда на благополучный исход, какие бы испы-
тания ни выпали на долю нашего героя!

Капли датского короля или королевы —
это крепче, чем вино, слаще карамели
и сильнее клеветы, страха и холеры...
Капли датского короля пейте, кавалеры!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Повествует о том,
при каких обстоятельствах
в нашем герое воспыпало
чувство ревности и как к этому
отнеслась сама виновница

Как ни старался Колышкин вспомнить впо-
следствии, что произошло с ним на рассвете
первого дня Нового года, это ему не удалось.
В его памяти мелькали смутные обрывки собы-

тий, но общей картины не возникало. Лешкин спирт доконал и без того немало выпившего у немцев (а до этого — у почтарей), совсем не привычного к вину Женю, и после восклицания Ромадина: «Вы у меня добьетесь!» — Женя улегся покорно на нары и в то же мгновение перестал что-либо слышать и ощущать.

Едва он заснул, как раздался сигнал тревоги. И всех словно ветром выдуло из блиндажа. И через несколько минут дивизион ринулся в атаку на немецкую часть, очутившуюся в непосредственной близости от реактивных минометов. Поднялась перестрелка. Гвардейцы короткими перебежками приближались к врагу. И тут среди них появился Колышкин. Еще не успевший отрезветь, он лихо размахивал автоматом и рвался вперед, на выстрелы.

Не станем подробно описывать, что пришлось испытать младшему лейтенанту Ромадину из-за Колышкина, который вскакивал, когда все залегали, и ложился, когда другие поднимались для очередной перебежки. Все главные события произошли после успешного боя.

Колышкина обнаружили в снежной воронке. Он лежал, уткнувшись лицом в снег, беспомощно раскинув руки. Кто-то бросился за санитаром, кто-то перевернул безжизненное тело. И Захар Косых почтительно и скорбно обнажил голову.

— Доброе утро,— неожиданно сказал Женя с пьяной приветливостью и тоже стянул с головы шапку.

Захар, оскорбленный в своих лучших чувствах, в сердцах нахлобучил шапку.

Когда прибежали санитары, Женя был уже на ногах. Он шагнул, чтобы поднять соскочив-

ший валенок, как вдруг увидел на пригорке грузную фигуру полковника, а рядом с ним — ее, Женечку Землянишину! И началось!

— Я требую,— закричал Женя вызывающе громко,— чтобы господин Онегин мне объяснил свое гнусное поведение!..

Он карабкался на пригорок, растрепанный, без полуушубка, так и не успев натянуть валенок, который он держал в руке. Ромадин обмер и коршуном палетел на Колышкина:

— Колышкин, отставай!

Женя вырывался из его рук:

— В конце концов пора как мужчина с мужчиной!..

Женечка заметила, что внизу происходит неладное, и старалась, как могла, отвлечь полковника. А Колышкин, отдирая ладонь Ромадина, кричал:

— Вы что думаете, если вы полковник, вам все можно, да?!. Поединок рассудит нас... Сatisfакция!..

Ничего не подозревающего полковника подхватил майор Мушегян и увел от скандала, мозгозначительно погрозив Ромадину.

— ...Бежите?! Трус! — крикнул Колышкин вслед Караваеву.

— Отставить! — отчаянно, из последних сил закричал Ромадин и от неловкого Женинского взмаха скатился с горки вниз головой под ходят солдат. Колышкин скатился следом.

— Будьте моим секундантом,— сказал он и поцеловал Ромадина.

Стало холодно. Женю знобило. Он открыл глаза, огляделся. И ничего не понял. В захламленном помещении валялись обрывки немецких

газет. Женя испугался, кинулся к окну и увидел широкие сапоги, приклад автомата: его охраняли!

Он кинулся к двери. Посмотрел в щель. От сердца отлегло: возле дверей, привалившись всем телом, спал Захар Косых.

— Захар,— прошептал Колышкин, поеживаясь.— А Захар.

Косых поводил щекой по стене, сладко почмокал, но не проснулся.

— Захар! — сказал Колышкин.— Выпусти меня. Я почему-то в сарае очутился...

Захар приоткрыл один глаз.

— Видно, щеколда упала,— сказал Женя, трясясь от холода.— Пить хочется. Просто спасенья нет...

— Ну, чего тебе? Чего? — проворчал Захар.— Сидишь и сиди...

— Да я пить хочу! — рассердился Колышкин.— С чего это мне вдруг в сарае сидеть.. Я пить хочу!

Захар сказал, не раскрывая глаз:

— С такого перепою рассол помогает.

Женя вдруг все вспомнил. Рот разинул, голову втянул в плечи.

— Значит, меня сюда...

— Значит,— подтвердил Косых недовольно.— А я вот тебя карауль.

— А дальше? — спросил Колышкин.

— Ну, чего привязался! «Дальше», «далльше». Теперь тебя в штрафную отправят... Допрыгался. Больно грамотный.

— Дай воды. Дай воды... Я пить хочу!

— Нет у меня воды,— сказал Косых, засыпая.

— Воды! — крикнул Женя.— Выведи меня!

— Куда еще? — заворчал Косых.

— Воды дай!.. Дай воды! — закричал Колышкин и стал трясти дверь, и весь сарайчик зашатался.— Воды!.. Выведи меня!..— Женя вошел в раж.— Воды!.. Открой двери, не то вышибу! Воды! Свободы!! Тюремщик!

Косых испугался. В окне появилось широкое его лицо.

— Ну, чего ты! Чего? Чего шумишь?

— Воды,— совсем спокойно сказал Колышкин.— И зреши...

— Чего?

— На двор мне надо,— сказал Женя.— Понятно?

Захар, озираясь, пошел к кирпичному зданию. Потом наступила тишина, и в проеме окна возникла жестянная кружка, из которой шел пар.

— Белая горячка,— со страхом сказал Женя.— Я брежу...

— Нет,— прошептал голос, и кружка приблизилась к самому его лицу.

— Что это? — спросил он.

— Это чай,— ответил голос, и Колышкин увидел Женечкино лицо в сиянии золотом.— Пей... Очень хорошо помогает.

— А-а-а,— сказал Колышкин грустно.— Это вы?

Она приложила палец к губам:

— Тсс... Никакого Онегина не было...

— А как же?..

— Тсс. Пей.— Она улыбнулась и исчезла. Колышкин глотнул и зажмурился от счастья.

— Разве это возможно? — спросил он.

Но никто не ответил.

Косых потормошил спящего младшего лейтенанта за плечо. Ромадин застонал и всхлипнул во сне.

— Товарищ гвардии младший лейтенант... А товарищ гвардии... Да товарищ же младший лейтенант!

— Что случилось? — спросил Ромадин, не открывая глаз. И вдруг вскочил.— Немцы?!

— Колышкин на двор просится...

— Косых,— вздохнул Ромадин,— мы не спали трое суток... Я сказал: будить меня только по тревоге. Какого черта!..— И он улегся снова.

— Колышкин на двор просится,— повторил Захар.

— А я тут при чем? — засыпая, сказал Ромадин.— Ну, выведи его... выведи... Вы-ве-ди... и покажи...— И снова уснул.

Женя шел под конвоем и искал место. Он свернулся за угол сараев, Косых — за ним. Женя остановился.

— Может быть, вы позволите без свидетелей?..

— Чего? — не понял Косых.

— ...Сделать свои дела...— сказал Колышкин.

Косых остановился.

— Ну, валай. Только ты недолго.

— А это уж как получится,— отрезал Колышкин и скрылся за углом.

Он стремительно прокралялся к кирпичному зданию, подбежал к узкому распахнутому окну.

— Женечка,— позвал он шепотом. Она высунулась из окна.— Вот он я.

— Ну, здравствуй, здравствуй,— засмеялась Женечка.— Чего это ты на месте не стоишь?

— Тороплюсь,— сказал он, подпрыгивая на одном месте.

Женечка исчезла, потом показалась вновь. Протянула ему телефонную трубку.

— Это зачем? — удивился он.

— Тсс... Тяни за собой. Ну, тяни. Увидишь...

Он помахал ей и побежал к сарайм. За ним тянулся черный телефонный кабель.

Косых стоял на месте, постукивая сапогом о сапог.

— Долго ты,— сказал он, увидя Женю.

— Как умею,— сказал Колышкин.

Он шел с Захаром, пряча трубку за спиной. Черный кабель вился по снегу.

— Нахлестался,— ворчал Косых.— Пить не умеет, а берется... Стереги тут тебя...

— Я лицо важное,— сказал Колышкин,— мне без охраны нельзя.— Он засмеялся.— А для тебя это большая честь — меня охранять. Да?..

— Иди, иди...— сказал Косых.— Иди, давай. Умник. Тебя б на лесозаготовки...

Колышкин устроился в сарае с комфортом: в левой руке — кружка с недопитым чаем, в правой — трубка полевого телефона. Кабель змейкой струился в дверную щель.

— Ну как, слышно? — спросил Женечкин голос.

— Женечка! Я вас слышу... А ты меня слышишь? Вы меня слышите?

— Конечно, слышу,— сказала Женечка.— Ну, давай поговорим...

— О чём?

Трубка молчала. Потом Женечкин голос произнес:

— Видишь, до чего техника-то дошла? Может, тебе еще чаю принести?

— А у меня есть. Совсем теплый. Бальзам.— И Колышкин засмеялся.— Женечка,— сказал он,— ну вот, видите... вот видишь, как оно все получилось? Теперь меня в штрафную отправят.

— Да брось ты... Уладится. Подумаешь — губа. У меня в сорок третьем тоже такое было!.. Это в тылу, на формировании. Мы с девочонками на танцы рванули, в самоволку, а тут как раз проверка, представляешь? И ничего — обошлось... Хочешь, я тебе поесть принесу?

— Я увидеть тебя хочу,— сказал Женя.

— Что? — спросила Женечка.

— Я лицо твоё увидеть хочу!

— А чего тебе мое лицо? — спросил Колых.— Выйдешь, насмотришься...

Захар пытался просунуть голову в узкое окошко. Он уж и на носки становился и подпрыгивал — ничего не получалось. А из сарая доносилось неясное бормотание Колышкина, и оно раздражало и тревожило Захара.

Вдруг голос Колышкина отчетливо произнес:

— Я увидеть тебя хочу, слышишь?.. Хочу, и все...

— Да я ж в окошко просунуться не могу,— жалобно, ничего не понимая, сказал Захар.

— Сейчас сарай в щепки разнесу, хочешь?! — спросил Колышкин, и Захар услышал его приглушенный смех.

— Ты что, спятил? — Захар на всякий случай отошел от окна.

— Ради тебя, хочешь? — донесся голос Колышкина.

— Грамотный больно,— сказал Захар.— Чего ради меня-то? Ну, чего? Чего ты разошелся?!.. Сидишь и сиди!!..

— Я виноват перед тобой,— говорил Женя в трубку.— Так виноват...

— Оба погорячились,— сказал Захар,— скем не бывает.

— Нет, ты не говори,— спорил Женя с трубкой.— Это я виноват, я...

— Да ладно,— совсем растаял Захар.— Я ведь тоже не сахар.

Пошел снег и выбелил двор, но ненадолго. Въехали грузовики, и все пришло в движение. Забегали солдаты. Показался Мушегян в сопровождении офицеров. Подбежал Ромадин.

— Товарищ гвардии майор, кому арестованного сдать?

— Какого арестованного, Ромадин?

— Колышкина... который мертвым прикинулся.

— Колышкина, Колышкина... — Мушегян был не в духе.— А кто его к награде подсунул? Не ты?

— Так это ж когда было...— Ромадин едва спспевал за майором.— Он парашютистов в лесу обнаружил, и я ходатайствовал.

— Одной рукой награждаем, другой сдаем,— поморщился Мушегян,— орден мы на него получили. И на тебя тоже. Вот за тех самых парашютистов.

Ромадин поощрениями не избалован: как начал войну младшим лейтенантом, так и остался младшим. Вечные истории в его взводе портили ему военную карьеру, и на груди младшего лейтенанта побрякивали лишь гвардейский значок да пара медалей. Не густо. Но с другой стороны — Колышкин, разгильдяй Колышкин останется безнаказанным!.. Чувство долга взяло верх.

— А как же?... — промямлил Ромадин. — Колышкин на товарища полковника кидался. Я буду ходатайствовать...

Мушегяна раздражал этот затянувшийся разговор, и он сказал:

— Ну правильно, награждение придержим.
— Совершенно согласен, — обрадовался был Ромадин.

— Вместе с твоим орденом, — отрезал Мушегян беспощадно.

Вот так все и обошлось для нашего героя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Повествует о том, как превратности военной судьбы разлучили нашего героя с Женечкой Земляниkinой и как неоднократно откладывалось их долгожданное свидание

Снег усилился. Появился ветерок. И снежинки закружились. Солдаты подтаскивали к машинам тяжелые ракеты.

— Держись, пулеглот, — посмеивались над Колышкиным. — Теперь Ромадин тебя так облизывает — не обрадуешься!..

— Насчет фрицев это ты зря загнул, — заметил Лешка Зырянов. — С перепою такое померещится, что ты-ы-ы!

А Женя не спорил. Может, и впрямь померещилось, может, и впрямь «загнул»... Он здесь, среди своих, и Женечка близко, а это — главное.

Ах Колышкин, Колышкин, если бы ты знал, что всего лишь через мгновение все переменится.

— Глядите, братцы, — сказал Лешка, — Земляникиной-то лимузин подкинули!

И в самом деле, возле машины связистов стоял штабной «виллис», и незнакомые офицеры вместе с Караваевым окружили Женечку.

— В штаб дивизии переводят. Чего ей с на-
ми-то? — Не забыл обид Лешка, не мог ей про-
стить... — Пускай уезжает штабная крыса.

— Не смей! — крикнул Женя с болью.
— Чего-о-о? — глаза Лешки посвинцовели.
— Я тебе лицо набью!..

Захар Косых инстинктивно посторонился, а Лешка схватил Женю за грудки.

— По машинам! — крикнул Ромадин.
— Твое счастье, сопляк, — сказал Лешка, остывая, и пошел к машине.

Гудели моторы, сновали люди, машины, на ходу выстраиваясь в походный порядок, покидали усадьбу. Женечка там, вдалеке, о чем-то просила Караваева, умоляла, но ей приказали, и вот так, ни с кем не простишись, она про-
мчалась в штабном «виллисе», только успела крикнуть:

— Эй, ежики! Ежики-и-и!

И исчезла в снежной мгле... Она уехала в одну сторону, а Женя — в другую, к фронту.

Уже таял снег, вспухла земля, и грязь лежала по дорогам. Война шла по немецкой земле. У здания штаба дивизии вытаскивали буксующую легковушку.

Женечка примостилась в кузове грузовика на мотках кабеля, читала письмо от Колышкина. Холодный ветер рвал листки из рук. Она подняла воротник, нахохлилась, улыбалась удивленно.

Тяжело подкатила по грязи штабная машина. Из нее вышел красавец капитан, довольный сам собою.

— Женечка, — непринужденно позвал он, — слыхали? Наши в Австрии. Чур, венский вальс за мной.

Она кивнула, не поднимая головы.

— Да или нет? — спросил капитан, всходя на крыльцо штаба.

— Да... или... нет... — механически повторила Женечка и продолжала читать и удивляться.

Подруга-связистка взобралась в кузов, спряталась от ветра.

— Насытилась?

— Нет, ты подумай, — сказала Женечка. — Вот ведь ежик... Разыскал.

— Шутник, — сказала связистка, закуривая.

— Только вот не могу вспомнить, какие у него глаза, — сказала Женечка. — Все помню, а какие глаза — не помню. Вспоминаю, а вспомнить не могу...

— Ты давай лучше шмотки таскай.

— Худенький такой, — продолжала Женечка, словно и не слыша ее. — Совсем мальчик.

— Дурочка, — засмеялась связистка, собирая вещи в кузове, — других, что ли, мало?

— А другим-то другое нужно, — сказала Женечка.

— Что нужно?.. — спросил красивый капитан, усаживаясь в машину.

— Помочь нужно, товарищ капитан, — игриво заметила связистка. — Вы бы женщинам-то помогли.

Он несколько растерялся. Разочаровался даже. Развел руками, мол, рад бы, да дела. И указал в черном штабном лимузине.

Снег стаял. Фронт катился на запад, и вот однажды дороги Колышкина и Земляниконы пересеклись. Это случилось в тот день, когда войска вырвались к морю. По песчаным дюнам сбегали к прибрежной кромке солдаты и офицеры и стреляли в воздух из автоматов, пистолетов, карабинов. Перемешались части, люди и техника.

Женечка бросилась к берегу, где, почти касаясь колесами волн, останавливались зачехленные «катюши» бывшего ее дивизиона. Девчонки-связистки бежали за ней к штормовому морю.

— Земляникона! — услышала Женечка. Ей махали руками знакомые солдаты. Она подбежала, глядываясь в лица, всматриваясь лихорадочно: он-то где?..

— Ежики!.. Как жизнь?! — крикнула, стараясь перекричать грохот пальбы и прибоя. А сама все смотрела по сторонам.

Колышкин меж тем, не подозревая, что она может оказаться здесь, прошел за машиной к воде. Поднял золотистый камешек. Янтарь! Повертел в руках, счистил песок.

— Здравствуй, Лешенька,— крикнула Женечка,— подходя к машине.

— Не забыла, как звать,— грустно засмеялась Лешка.— Надо же.

— Идем, пора,— толкнула Женечку подруга.— Машины сигналят.

Женечка лихорадочно смотрела вокруг. Колышкина нигде не было. Кто-то, поняв ее волнение, посочувствовал:

— И куда смылся?.. Сейчас только здесь был...

А в это время Колышкин рассматривал стеклянный поплавок в веревочной сетке. Что-то неестественное было в этом зеленом кухтыле, похожем на школьный глобус. Солдаты столпились вокруг, трогали шар с любопытством.

Ей пора было возвращаться, бежать, но она еще надеялась, ждала и медлила.

И вдруг крик:

— Земляниkinой!

Это Захар Косых приближался к ней с улыбкой.

— Здорово, Захар,— сказала Женечка. И опять оглянулась в тоске. А Лешка понял, кого она высматривает, и отвернулся.

— Леш,— сказала Женечка, лишь бы потянуть еще мгновение.— Вы куда сейчас?

— Все туда же, в логово,— сказал Лешка.

Она поняла, что говорить с ним сейчас невозможно: он все время будет напоминать о себе. И побежала по дюнам вверх, к машине.

— Слыши,— крикнул вслед Захар.— А точно говорят — одной бабе генерала присвоили?

— Точно,— засмеялась Женечка.

Но Захар говорил всерьез.

— А лампасы-то куда ж ей пришьют?

Она в последний раз глянула на берег, а там солдаты, солдаты, солдаты...

— Может, увидимся! — Она помахала рукой.

— В Берлине! — ответил Захар неистово.

Кто-то подскочил к Колышкину, вырвал поплавок из рук, крикнул с горечью:

— Что ж ты, понимаешь?.. Там Земляникина!..

Колышкин взбежал на песчаный холм и увидел, как штабные машины вдали уходят, покачиваясь на прибрежных песках.

В одной из машин сидела Женечка. Она не оглядывалась: потеряла надежду. Только ее подруга взглянула на Колышкина равнодушно и отвернулась: он ей был незнаком.

Колышкин на ходу вскочил на свое место на крыле машины и нахохлился, тяжело переживая неудачу.

Машины проходили вдоль моря. А стеклянный глобус равнодушно покачивался на прибрежной волне. И тогда Женя сорвал автомат, и очередь разнесла в куски злосчастную находку.

Колонна продолжала движение. Война еще не кончилась, Колышкин плакал. Да, плакал, представьте.

Мост через реку был взорван, и дивизион остановился на берегу. В немецком городке шел бой.

— Залпа не получится,— сказал Мушегян у переправы.— Накроем своих. Переправимся без машин, с ракетами.

Неподалеку виднелся готический собор, а еще дальше, за огромной площадью, стоял большой полуразрушенный дом. Немцы засели там и не давали пехоте поднять головы.

К руинам подобрались гвардейцы дивизиона, поднесли ракеты.

— Найди место повыше, — сказал Мушегян.

— Собор, товарищ гвардии майор, — предложил Ромадин.

— Собор — хорошо. Только как к нему подобраться? Попробуй, Ромадин. Попробуй.

Возле руин валялись разбитые автомашины, детские коляски, велосипеды. Колышкин, Зырянов и Косых выбрали коляски поцелее и спрятали туда несколько ракет. Но едва попытались высунуться, как взвизгнули пули, раскрошив кирпичи над головой. Грохнула мина.

В соседнем дворе жались по стенкам беженки. Захар Косых выглянул из-за угла, и женщины, увидя его, завизжали и бросились бежать, волоча за собой узлы.

— Во дают, — сказал Захар.

— Гутен морген, девочки! — Лешка подмигнул молодой испуганной медхен.

— Что, родственница? — засмеялся Колышкин.

— Родственников за границей не имеем, — отрезал Лешка.

Они заскочили во двор, где валялись столы, кресла и разбитые шкафы. В огромном шифонье с оторванными дверцами раскачивались на вешалке чьи-то костюмы и платья.

Зырянов и Колышкин выглянули из-за стены.

Дом с эсэсовцами почти не был виден, зато

собор и площадь были открыты целиком, и немцы продолжали обстрел.

Но вот немцы с узлами выскочили на площадь, и огонь прекратился.

— Безмозглые! — выругался очкастый эсэсовец.

Бородатый немец повернул пулемет.

— Идиоты! Это наши жены и матери! — истерично закричал офицер.

Немки добежали до собора и скрылись.

— Всю площадь простреливают, твари, — сказал Лешка Ромадину.

И тут из шифоньера выскочила какая-то дама. Косых вскинул автомат, но Зырянов схватил его за руку. Из-под шляпки смотрела на них хитрая физиономия Колышкина.

— Товарищ гвардии младший лейтенант. Там на всех найдется.

— Отставить, Колышкин! — закричал было Ромадин, потом кивнул оторопело. — Ладно. Только мне что-нибудь простенькое.

Глядя в зеркальную дверцу, Ромадин застегнул блузку, надел дамскую шляпу, туфли на высоком каблуке и захватил дамский ридикюль. С платьями все обошлось. Хуже было с дамской обувью: налезала лишь на носок. Хорошо Ромадину с его тридцать шестым размером! Косых пришлось остаться босиком. Когда все переоделись, на ракеты набросили кружевные занавески.

— Опять эти бабы! — сказал очкастый эсэсовец.

— Все летит к чертам, а они тут со своим барахлом. Вот я им всыплю в лошадиные задницы... Вот этой потаскухе с ридикюлем! — сказал бородатый.

Ромадин с ридикюлем бежал позади всех. Юбка у него была узкая, туфли на каблуках подворачивались, и походка от этого была вихляющей.

Немцы кричали:

— Эй, шлюха с ридикюлем, иди сюда, мы тебе поправим колесо!

— Быстрее, дамы! Быстрее! — торопил офицер.

Все шло как нельзя лучше, и вдруг Ромадин заметил, что Колышкина нет: тот зацепился платьем за колючую проволоку и никак не мог вырваться.

— Быстрее, быстрее! — закричал Ромадин.

Женя рванул с такой силой, что полуплатя осталось на колючках.

Немцы спохватились, открыли огонь, но поздно: наши герои с ракетами уже были в соборе.

— Ну, пулеглот, грамотный, а тоже соображает, — сказал Захар, вытираясь подолом юбки.

Замкнулись электроконтакты, и ракеты вылетели из окон собора. Прямо по фашистскому гнезду! И все в порядке: пожалуйста, пехота, можете двигаться дальше.

— Ну, Колышкин, втравили вы меня, — говорил Ромадин, переодеваясь. — Влепят нам за этот маскарад.

И Женя чувствовал себя виноватым.

Однако не влепили.

Мушегян расцеловал младшего лейтенанта, а через несколько дней Ромадин сменил погоны. Минуя звание — сразу три звездочки — старший лейтенант! И каждому по ордену. Ай да Колышкин! Кто бы мог подумать.

Ромадин с удовольствием разглядывал свой погон с тремя звездочками и новенький орден, когда подкатил «виллис» и Мушегян, высунувшись, сказал:

— Собирайся, Ромадин! Едем в штаб дивизии. И прихвати с собой одного человека.

— Зырянов! — крикнул Ромадин. — Собирайтесь. Едем в штаб дивизии.

— Есть, — откозырял Лешка, довольный солнцем, тишиной, предстоящей поездкой... — Есть, товарищ гвардии младший... извиняюсь, старший...

Ромадину было приятно.

— Давай надраивайся, — засмеялся Косых с машины, глядя, как Лешка приводит себя в порядок. — Еще одеколончиком полейся. Там тебя Земляникона ждет не дождется... — и осекся, потому что грустное и отчужденное лицо Колышкина возникло перед ним.

— А может, и ждет, — сказал Лешка лихо. — Женская душа — потемки, а у меня — фонарик... — И тоже поглядел на Женю, и вдруг решительно направился к Ромадину.

— Пошлите Колышкина вместо меня, — сказал сурово. — Там дело у него...

Ромадин вылезал из кабинки, был он весь настроен празднично и настроение свое щадил.

— Отставить, Зырянов...

Тогда Лешка принялся дипломатничать:

— Я ему говорю — езжай, мол, а он говорит: мол, гвардии старший лейтенант не пустит. А я ему — мол, гвардии-то старший лейтенант как раз и пустит. А он...

Ромадину пришелся по душе витиеватый, хоть и наивный ход рассуждений Зырянова.

— Ну чего у него там? — спросил он, поль-

щенный. И подставил ухо, в которое Лешка деликатно нашептал главное.— Какая еще родственница?.. — удивился Ромадин.

Вот так благодаря Лешкиному благородству Женя оказался в «виллисе», который мчал его навстречу свиданию.

У переправы пришлось задержаться. По понтом ползли машины с пехотой и артиллерией.

— Ну прямо Тэрнер... — сказал Караваев, оглядывая перспективу.

— Как? — деликатно переспросил Ромадин, склоняясь к полковнику.

— Я говорю, пейзаж, как у Вильяма Тэрнера.

— А-а-а-а, — протянул Ромадин с ученым видом знатока, приятно улыбаясь.

— Простите, — сказал Колышкин иронически, — разве в Одессе есть Тэрнер?

— Возможно... — ирония не дошла до Караваева. — Вот взгляните. Ну хотя бы во-о-он туда...

— В Одессе нет Тэрнера, — с убийственной жестокостью произнес наш герой.

Но это опять не подействовало на Караваева.

— Не знаю, не знаю, — сказал он, обращаясь в основном к Ромадину. — Я там не был. И вы знаете, о чем я подумал, младший лейтенант... (Ромадин склонился еще ниже) о, прощите, старший лейтенант. (Ромадин улыбнулся великолушно.) Кончится война — пойду с женой смотреть старых мастеров. Мы с ней оче́нь любим живопись.

Старые мастера и молодые связистки, — злорадно и отчаянно выпалил Колышкин, напрашиваясь на скандал. Пора уже было выяснить отношения.

— Что вы? — не понял Караваев.

Ромадин побледнел.

— Чепуха, товарищ гвардии полковник! — заторопился он, показывая Колышкину кулак. — Была тут у нас одна связистка... сержант Земляникона...

— И что же? — спросил Караваев нетерпеливо.

— Ну ее потом в штаб дивизии перевели, — спасал положение Ромадин. — Вы там про реку начали, товарищ гвардии полковник.

— Земляникона? — произнес Караваев. — Позвольте, я ее отлично помню. Прекрасная девушка. А что с ней?

— Да нет, ничего, в порядке, — успокоил Ромадин, вытирая холодный пот со лба.

— Она еще была влюблена в одного солдата, — засмеялся Караваев добродушно. — В этого... Корочкина... Так, кажется?

— Так точно, — поддакнул Ромадин.

— Ну а он где? — спросил Караваев рассеянно.

— У меня, — снова меняясь в лице, доложил Ромадин. — Тоже в порядке...

— Мне бы лет двадцать сбросить, — засмеялся полковник, — я бы этому Корочкину показал!..

И Ромадин снова вздохнул с облегчением, и снова крайне любезно:

— Еще бы!.. Товарищ гвардии полковник, вы там про реку...

— А что река? — задумался Караваев. — Река как река. А художник берет кисть... а?

— Да-а-а, — многозначительно протянул Ромадин, «интеллигентно» закатывая глаза.

«Виллис» въехал на переправу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На войне как на войне

Краски дня начали тускнеть. Приближались сумерки. Колышкин вышел из штаба дивизии, расположенного в кирпичном особняке. Вся площадка перед штабом была заполнена машинами, транспортерами, сновали люди, какие-то девушки в военном с шумом устраивались в кузове грузовика. И Женя с минуту всматривался в их лица с маленькой надеждой. Но девушки были ему незнакомы. Потом грузовик укатил, а Колышкин пошел через двор, сапогами разбрызгивая холодные лужи.

Из штаба выскоцил молоденький лейтенант и помахал Жене.

— Эй, Колышкин! Там кухня... Тебе нальют... Иди, пожуй чего-нибудь. Скажи, что я велел.

И снова скрылся, потому что в гимнастерке на ветру было холодно. А Колышкин стоял посреди двора, словно раздумывая: идти ему в столовую или не идти. Вдруг за спиной кто-то тихо сказал:

— Господи, ты откуда взялся?

Обернулся. Женечка стояла перед ним.

— Неужели это ты? — сказал Колышкин и почему-то заторопился спрятать руки.

— Не забыл, значит. Вот дружок настоящий. Замерз? — спросила она и взяла его руку.

— Женечка, — сказал он. — Я уж думал — не найду тебя...

— Пойдем, — сказала она и повела его за собой. — Ах ты мой дорогой... Посидим — покушим?

Женя полез в карман, достал папиросы. Она удивилась, взяла одну, а он достал зажигалку и, спрятав огонь от ветра, дал прикурить ей и закурил сам. Совсем взрослый, мужчина, ничего не скажешь! Женечка засмеялась, но не насмешливо, как когда-то, а добродушно.

— Сейчас увидишь, как я живу. Девочки уехали, и я одна...

Они проходили мимо штаба. Молоденький лейтенант выскоцил на крыльце и шутливо погрозил Колышкину пальцем. Потом они прошли через парк, и среди деревьев, за кустами, показался полуразрушенный особняк. Вместо двери зиял пролом, доска заменяла ступеньки.

— Ты на это не смотри, — сказала Женечка. — Там получше будет, внутри... Там тепло.

Он стоял посреди комнаты и смотрел на Женечку.

— Ну, раздевайся, — говорила она радостно, — вот чудак какой.

Но он стоял и смотрел на нее, и пожимал плечами, и пытался улыбнуться.

— Это потрясающее, — засмеялась она и стала стаскивать с него шинель. — Поешь горяченького? Суп еще не остыл.

Потом он сидел в каком-то удивительном кресле и смотрел, как в печурке беснуется пламя и как Женечка суетится вокруг и хлопочет.

— Вот и опять у нас свидание, прямо посередке войны у нас с тобой свидание.

Она поставила на стол открытую банку мясных консервов, положила хлеб, сняла с печки котелок с супом.

— Как в лучших домах, — сказал Женя.

— А ты думаешь,— сказала она.— Водочки выпьешь?

Он кивнул.

— А может, не надо... захмелеешь.

— Ну, ладно,— согласился он,— не надо. Действительно захмелею...

— Нет, давай немного выпьем. Что от глотка-то будет? За встречу.

— Ничего не будет,— кивнул он.— Давай выпьем. Действительно, за встречу...

И вдруг какой-то одинокий печальный звук раздался где-то совсем рядом и смолк.

— Что это? — спросил Колышкин.

— Это ветер, наверное, в развалинах путается,— сказала Женечка.— Дом-то пустой.

Они сидели за столом. Печурка продолжала гудеть, и теперь лишь отсветы пламени освещали эту большую комнату с окнами, забитыми фанерой и заложенными всякой рухлядью. Ветер простонал снова. Женечка поднялась и зажгла старую желтую свечу. Стало светлей. И потолок словно поднялся, и какие-то предметы выступили из углов. Женечка начала прибирать со стола и, когда была возле Колышкина, наклонилась и поцеловала его в затылок, едва-едва, словно клюнула. Колышкин встал и пошатнулся. Она рассмеялась.

— Ты качаешься смешно.

— Ничего, держусь.

Он взял ее голову в ладони.

— Женечка.

Она только ресницами шевельнула.

— Ты о чем думаешь? — спросил он.

— Молчи,— сказала она тихо.

Свеча затрещала. Пламя заколебалось. Тень Колышкина склонилась и кинулась прочь. Он

обнял ее. Поцеловал сильно, по-мужски. Она прильнула к нему, но тотчас плавно вырвалась, отошла. Стояла неподвижно лицом к стене. Потом она села на край кровати. Снова прокричал ветер. Свеча вдруг погасла, пустив колечко дыма. Только от печурки, от непогасшего жара расплывался по комнате красноватый свет. Опустился потолок, сдвинулись стены. Женечка резким движением расстегнула ворот гимнастерки, позвала шепотом:

— Иди сюда, Жень, ну иди же.

Кровать с огромными подушками выглядела нелепо в этом полуразрушенном особняке. Красный отсвет затухающей печурки придавал обстановке фантастический вид. Они лежали в молчании, каждый со своими мыслями, словно напряженно слушали крик ветра.

— Я письмо буду ждать от тебя,— вдруг сказал Колышкин тихо.

— Письмо?

— Ты скажи, напишешь мне?

Она молчала.

— Напишешь?

— Да зачем тебе это, глупый?

— Ну хочешь, я маме напишу про все... Сама отправишь... Хочешь?

Она поежилась зябко. Улыбнулась чему-то своему. Потом сказала буднично:

— Отвернись...

Они одевались, и их крылатые тени метались по стенам, по потолку, словно черные большие птицы искали несуществующий выход.

Молчать было трудно, но все слова, что приходили в голову, казались малозначительными.

— Что там? — не выдержал он и кивнул за дверь.

Она уже оделась. Сидела на краю кровати, сложив руки на коленях.

— Там что?

— Развалины,— сказала она, продолжая думать о чем-то своем.

— Кто здесь жил?

Она молчала.

Ах, будь он искушенным, как Лешка, он, наверное, вернулся бы к ней и руку положил бы на плечо, и посмотрел бы ей в глаза, и голову положил бы ей на колени... Но она была далеко, уже далеко, дальше, чем когда бы то ни было. И Колыскин шагнул по комнате без цели и вдруг увидел на полу маленькую фигурку клоуна в клетчатом костюме.

— Игрушка! — сказал он облегченно, потому что об этом можно было говорить.

У клоуна было холодное, злое лицо.

— Здесь много игрушек,— сказала она, тоже радуясь, что можно говорить о другом.— Наверное, дети были... у этих...

Колыскин нагнулся к игрушке, и вдруг ему показалось, что клоун попятился. Тогда он протянул руку, чтобы схватить его, но клоун кипулся прочь, словно живой.

— Вражеский лазутчик,— сказал Женя.

Она рассмеялась рассеянно.

Смех ее несколько приободрил Женю. Он обернулся к ней. Она показалась ему еще красней, чем обычно. Захотелось говорить глупости. Наступила раскованность, словно лишняя тесная одежда слетела с него прочь.

— Сударыня,— позвал он тихо.

Она улыбнулась.

— Сударыня, вашу руку. Я проведу вас по руинам зла...

И он схватил протянутую ее руку и повлек за собой, к двери, в незнакомый мир...

— Куда ты, не надо,— сказала она.

— Сударыня...

— Там холодно... Ветер...

— Я умоляю вас...

Она засмеялась расслабленно.

— Давай лучше здесь посидим, а, Женя?

— Мы обойдем этот вертец,— не унимался он, увлекая ее за собой,— и утвердим повсюду...

— Давай лучше здесь,— попросила она.— Поговорим, что да как... А то ведь мне на дежурство скоро!

Но он уже вошел в роль и был с ней шутливо галантен и изыскан, и она пошла за ним в эту дверь, по коридорам с полуобвалившимися потолками, по залам, где обрывки бумаги носились, как летучие мыши.

— Чем вы занимались сегодня утром, сударыня?

— Колола дрова,— призналась она, не умея еще играть в этом придуманном им, красивом представлении.

— Фи! — возмутился он.— Чем же были заняты ваши многочисленные слуги?

— Да хватит тебе,— засмеялась она, оглядываясь. Что-то тревожное было в этом гулком пространстве вокруг.

— Как вам нравится это гнездышко? — не унимался он.

— Сойдет,— сказала она, с трудом включаясь в игру.

— О, в таком случае,— провозгласил Колыскин,— мой замок к вашим услугам!

Она рассмеялась, но смех оборвался.

— Может, вернемся, а?

Но он уже кинулся к груде фотографий, пестреющей на полу, и перед ним замелькали добродорядочные холеные лица бывших хозяев—дети, юноши, пожилые люди с собакой возле роскошного черного лимузина, с теннисными ракетками, с глазами, устремленными в мечту по заданию фотографа... И вдруг Колышкин вздрогнул: с фотографий на него смотрело задумчивое красивое лицо молодого человека.

— Так это же переводчик! — крикнул Женя.— Зигфрид! Это он!.. Значит, это его дом? Ничего себе домик! — И обернулся к Женечке.— Помнишь, как я в Новый год...

— Так ты что, правда у фрицев побывал? — изумилась она.

И он по-детски обрадовался ее изумлению.

— А-а-а, сударыня,— и погрозил ей пальцем,— раскаиваетесь? Считали меня лжецом? — И снова, нагнувшись к фотографиям: — И в этом замке витал амур... Мимолетное детство, отчество... И они тоже читали книжки... Может быть, даже Шиллера или Гёте...

Женское лицо, похожее на Зигфрида, улыбалось Колышкину из-под разбитого стекла.

— Ах, муттер, муттер! — посетовал он.— Как вы могли?..

Что-то громко скрипнуло. Женечка вздрогнула. Тревога возвратилась.

— Там кто-то есть,— сказала она.— Давай вернемся, Женя.

Но ему было море по колено. У старого рыцаря, скрючившегося в углу, он выхватил ржавую шпагу и поднял ее над головой.

— Пустое, сударыня! Клянусь этой шпагой — ни один волос не упадет с вашей прекрасной головы!

— Это потрясающе! — засмеялась она, не то восторгаясь им, не то осуждая...— Мой рыцарь меня защитит...

— Вы еще смеете сомневаться? — воскликнул он театрально.

И они двинулись по галерее. Женечка шла впереди, и улыбка озаряла ее лицо. Вдруг она погасла. Женечка обернулась. Колышкина не было. В разные стороны уводили двери. На верху опять что-то скрипнуло.

— Женя! — позвала она, но он не отзвался.— Женя!..

Колышкин между тем, разыскав потешную маску и напялив ее, накинув на плечо портфель на манер мушкетерского плаща и размахивая шпагой, представлял, как он разыграет свою подругу. Он услышал ее крик и спрятался.

Он вообразил себя хозяином этого замка, а Женечку — своей женой. И из-под маски послышался его смешок, потому что картина, которую он вообразил, была чудовищно нелепа. Шикарный клетчатый костюм на нем — в обтяжку, соломенная шляпа-канотье, в руке стек. Женечка в лиловом платье до пят, с взбитой копной волос на голове, в суете, потому что многочисленные, похожие на херувимов, детишки расползаются в разные стороны по дорогому ковру и сваливаются с горшочков... Потому что явились гости, и нужно вести с ними светский разговор. А гости — это Захар Косых в черном фраке, опрокидывающий черный кастрюльный цилиндр, откуда в Женины ладони струится крупная редиска, Лешка Зырянов в генеральском мундире, сияющий и снисходительный, и Ромадин в штатской паре, читающий Жене громадный поздравительный свиток.

...Остановись, Колышкин! Спустись на землю! Тебе и в голову не приходит, что тревога Женечки не напрасна, что война — не только линия огня, что она повсюду... Остановись, Колышкин! Окликни ее! Она втянулась в твою игру и уходит все дальше в глубь особняка.

Поздно.

Три лихорадочных выстрела прокатились по коридорам и галереям особняка. Она приняла их в упор, когда вбежала в дверь. Она успела увидеть бледное, перекошенное незнакомое лицо и понять, что это и была ее смерть, и удивиться, что Женя позвал ее сюда, так ей послышалось...

Она рухнула к ногам Зигфрида, это был он, и в ее мертвящих, широко раскрытых глазах застыло изумление.

Зигфрид тяжело дышал. Он еще не успел переодеться и стоял у раскрытоого шкафа. Лицо его в копоти, рубашка разодрана, обгорелый мундир и фуражка валялись на полу. Он вытер ладонью пот, напряженно вслушиваясь. Быстрые шаги приближались. Зигфрид отскочил в темноту, держа пистолет наготове.

Женя вбежал и не успел еще увидеть Женечку, как раздался выстрел. Он метнулся в угол, пуля взвизгнула и рикошетом разнесла статуэтку.

Зигфрид уложил бы его вторым выстрелом, потому что Колышкин стоял открытый, прижатый в угол, и автомат висел за его спиной, но он узнал Женю, «Эвгения», с которым свела его когда-то ирония судьбы.

Не видя врага, он стрелял не задумываясь. Так стрелял он в Женечку, едва она распахнула дверь. Но выстрелить в лицо Колышкина... Он

смутно понимал, что если не убьет русского, тот убьет его. И все-таки колебался. Что-то сместилось в его сознании с тех пор, как рухнуло все, во что он веровал. В его родном доме русские, и он вынужден прятаться, бежать, как затравленный зверь. Сколько крови вокруг, сколько страданий, во имя чего? И эта русская на полу...

«Не может быть... — думал Колышкин о Женечке. — Этого не может быть, это невозможно... — А сам смотрел в глаза Зигфрида не отрываясь. — Я не успею сорвать автомат... Он выстрелит».

Не опуская пистолета, Зигфрид вдруг попятился и выскочил, захлопнув дверь.

Колышкин застыл в оцепенении. Он не мог осознать случившееся. А может быть, все это его фантазия? Он прикоснулся к ее руке и вздрогнул. Она не шевелилась, и глаза ее были все так же распахнуты в мертвом изумлении. И Женя вдруг закричал, будто от нестерпимой боли и, еще не отдавая себе отчета в своих действиях, побежал по коридору, сжимая автомат, ища того, чьи шаги уже были едва слышны.

Зигфрид выскочил во двор, где стояла открытая легковая машина. Он легко прыгнул на сиденье, взревел мотор, но не успела машина тронуться, как длинная автоматная очередь оборвала его жизнь мгновенно и бесславно.

Колышкин стоял в окне, держа в руках горящий автомат, и в глазах его застыла ненависть. Он тяжело дышал и облизывал пересохшие губы. Потом он вдруг обмяк, опустился на подоконник, и плечи его задрожали...

ЭПИЛОГ

На площади, среди руин поверженного немецкого города, закончился парад. Уходили оркестранты, поблескивая трубами; усаживались в трофейные легковушки генералы; солдаты — в грузовые машины. На груде битого кирпича гармонист играл что-то лихое, самозабвенно растягивая меха. Молоденькая регулировщица на перекрестке бывших улиц размахивала флагом, и крик ее тонул в грохоте военной техники.

А вдоль реки, замусоренной и грязной, на желтой траве виднелись свежие холмики братских могил, над которыми голубели наспех сколоченные обелиски с красными звездочками. Где-то на дощечке, прибитой к деревянному памятнику, можно было отыскать и фамилию Земляниной Е. И. 1921 года рождения.

Возле искореженного здания стояла «катюша», и Ромадин писал письмо, разложив листок бумаги на крыле машины, время от времени поглядывая на женскую фотографию. Лешка Зырянов раскуривал немецкую сигару и морщился недовольно — не тот табак. Колышкин и Захар старательно драили спарки.

И вдруг послышался хохот девушки. Звонкий, уже послевоенный. На подножке связной машины, на которой когда-то ездила Женечка Землянина, стояла незнакомая связистка, розовощекая, большеглазая и кокетливая. Она смеялась, закидывая голову и поглядывая на стоящих перед ней офицеров, которые напропалую смешили ее, стараясь, очевидно, произвести впечатление. Она смеялась, а наши герои смот-

рели на нее с грустью, потому что перед ними все время возникал образ Женечки. И хохочущая связистка даже раздражала их, хотя ни в чем не была виновата. Лешка, решительно выплюнув сигару, направился к разбитому зданию с колоннами, на котором писали все, кому не лень, свои победные имена, и, ухватив большую кисть, вывел на свободном месте: «Землянина» — крупно, так, чтобы далеко было видно, чтобы была она среди живых хоть на этой выщербленной осколками и пулями стене.

Женя смотрел на его работу, и в глазах его была такая тоска, что Захар Косых, который ел сухарь, пожалел товарища.

Кто-то из солдат попросил:

— Захар, дай сухарика.

— Последний, — ответил он по привычке. И вдруг обернулся к Колышкину и сунул ему сухарь в губы.

Колышкин спустился со спарок на крышу кабины, где стояло ведро с водой, нечаянно задел ведро, оно опрокинулось и выплеснуло всю воду на новенький мундир Ромадина.

Ну что ты будешь делать?!

Колышкин опустил голову. Он ненавидел себя, презирал, проклинал... А Ромадин стоял, беспомощно держа в руках намокшее письмо и фотографию.

Сердиться было бесполезно.

На этом мы позволим себе расстаться с нашим героем и его прекрасными друзьями. Что станет с ним потом, сохранился ли столь трудно возникшая дружба, об этом нам известно не более, чем вам, дорогой читатель и зритель. Однако будем надеяться на лучшее. Будем надеяться. Да.

Песенка о каплях датского короля

С детских лет поверил я, что от всех болезней
капель датского короля не найти полезней,
и с тех пор горит во мне огонек той веры...
Капли датского короля пейте, кавалеры!

Капли датского короля или королевы —
это крепче, чем вино, сладче карамели
и сильнее клеветы, страха и холеры...
Капли датского короля пейте, кавалеры!

Рев орудий, посвист пуль, звон штыков и сабель
растворяются легко в звоне этих капель.
Солнце, май, Арбат, любовь — выше нет
карьеры...

Слава головы кружит, власть сердца щекочет.
Грош цена тому, кто встать над другим захочет.
Укрепляйте организм, принимайте меры...
Капли датского короля пейте, кавалеры!

Если правду прокричать вам мешает кашель,
не забудьте отхлебнуть этих чудных капель,
перед вами пусть встают прошлого приметы...
Капли датского короля пейте, кавалеры!

Белый свет я обошел, но нигде на свете
мне, представьте, не пришлось встретить капли
этн.

Фильмографическая справка

Авторы сценария — Б. Окуджава, В. Мотыль.
Режиссер-постановщик — В. Мотыль. Оператор — К. Рыжов, звукооператор — Г. Несторов. Режиссеры — П. Тискин, В. Степанов. Композитор — И. Шварц. Художник — В. Волин. Рисунки к фильму — Н. Васильевой.

Военный консультант — генерал-майор артиллерии М. Глушков.

Текст песни «Капли датского короля» Булата Окуджавы

Главные роли исполняют:

Женя Колышкин — О. Даль

Женечка Земляникона — Г. Фигловская

Захар Косых — М. Кокшенов

Алексей Зырянов — П. Морозенко

Ромадин — Г. Штиль

Зигфрид — Б. Шнейдер

Караваев — М. Бернес

Майор — А. Ильин.

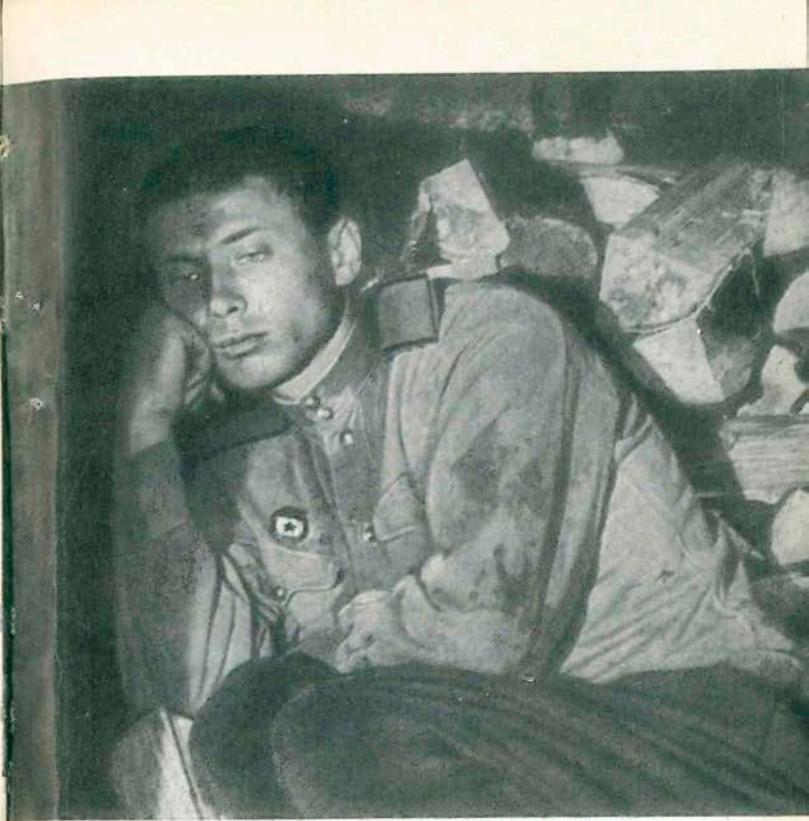
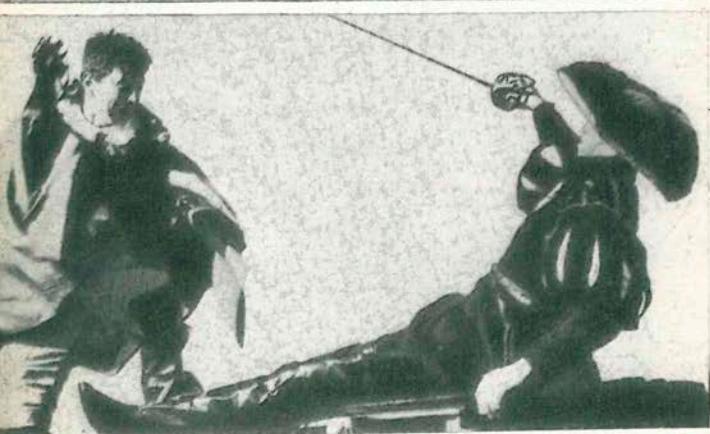
Производство киностудии «Ленфильм», 1967 г.

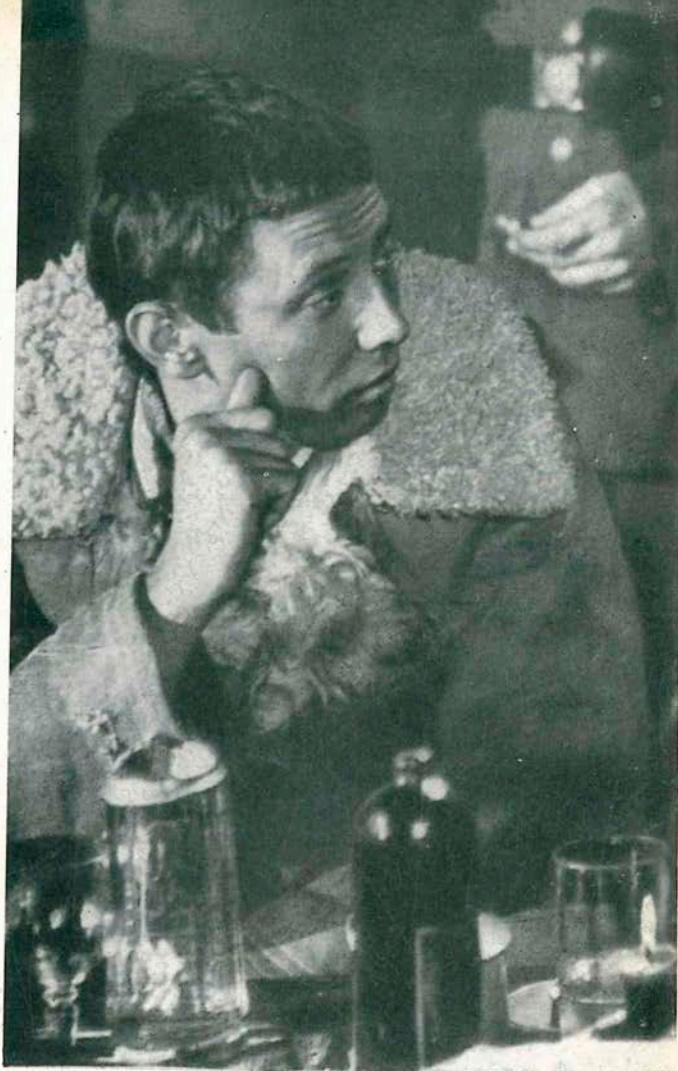
КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА

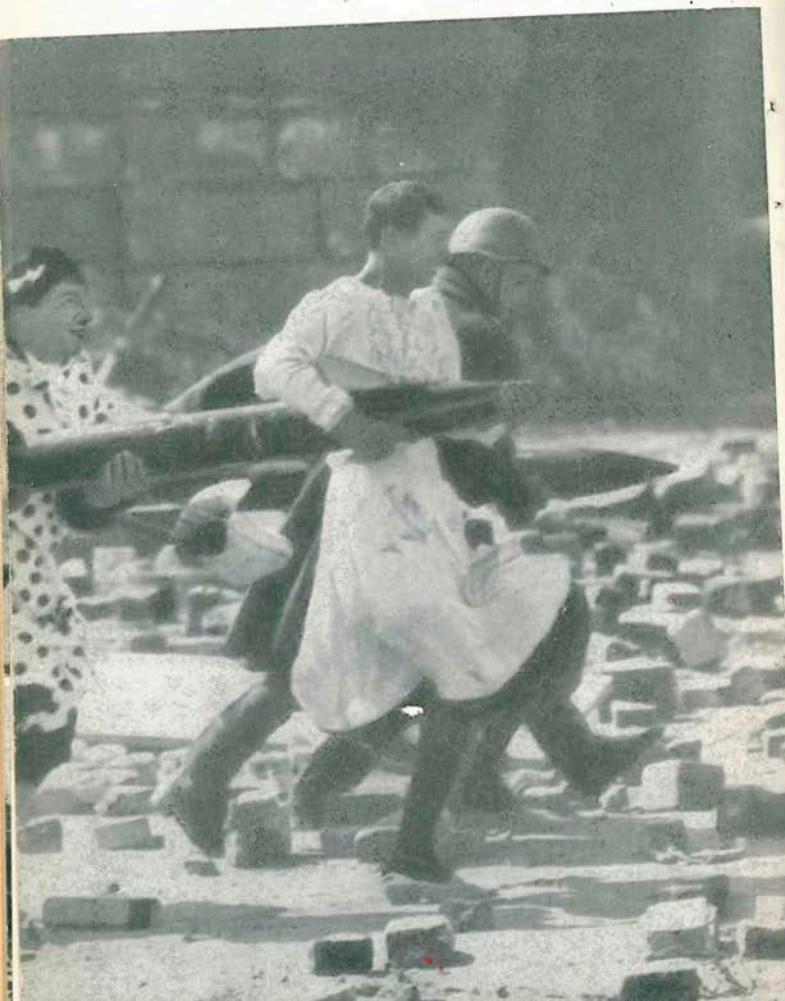

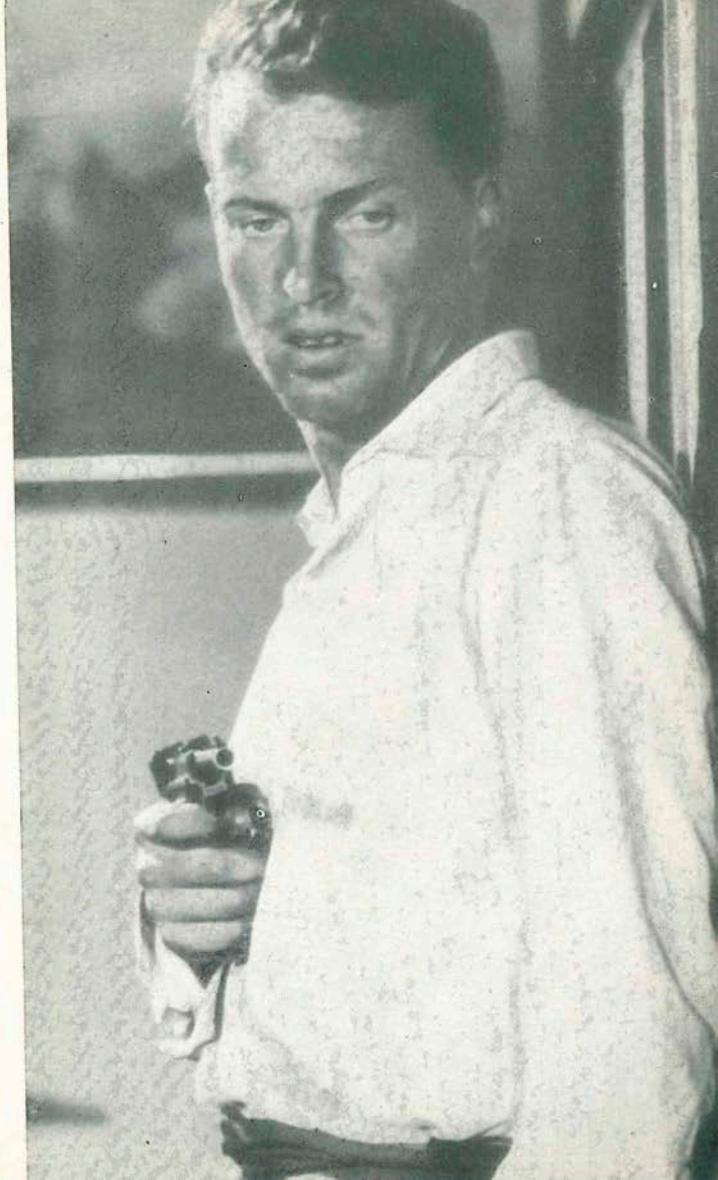

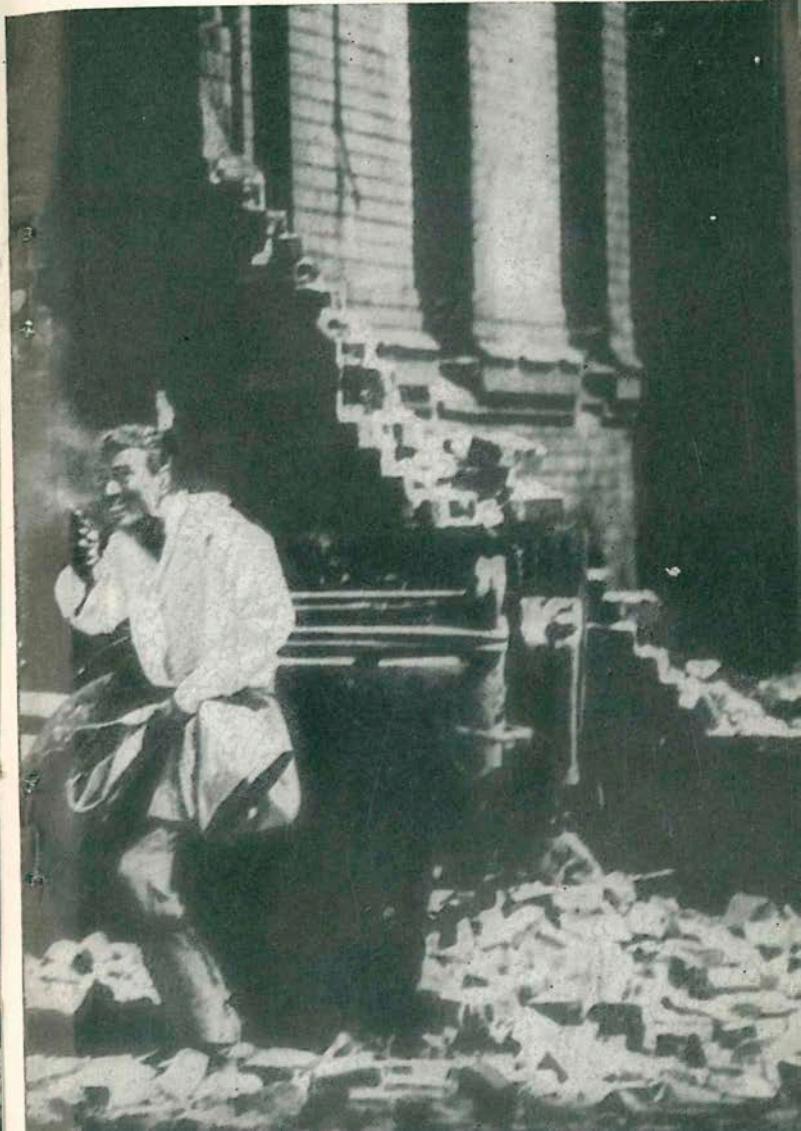
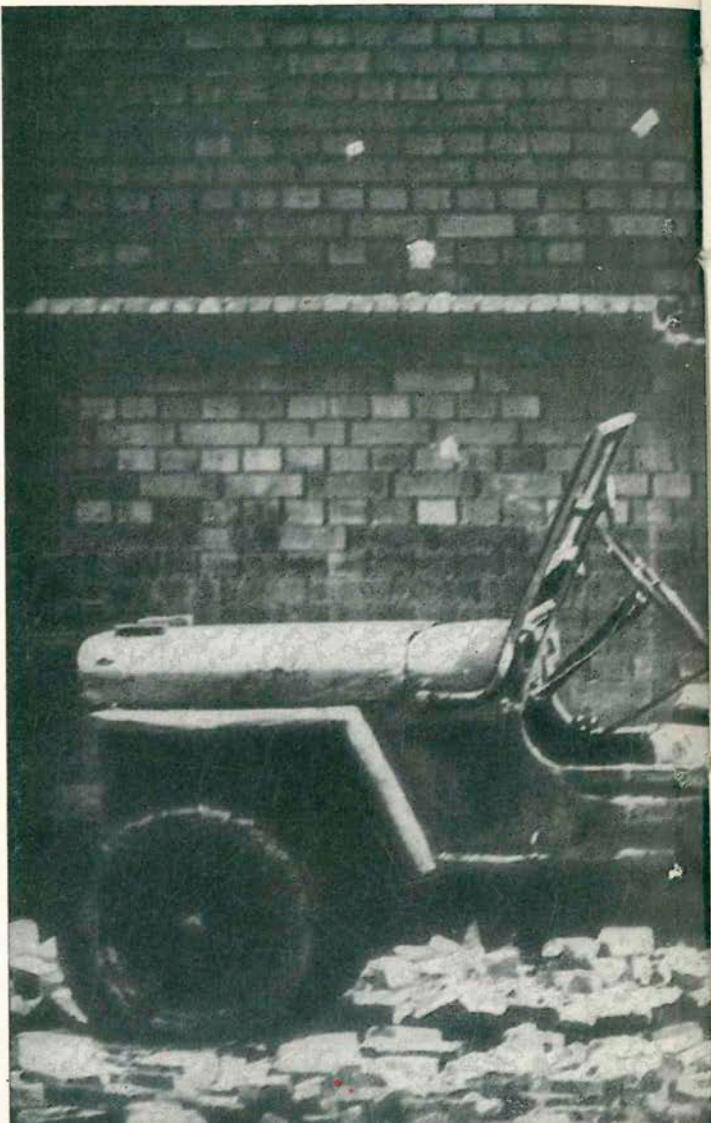

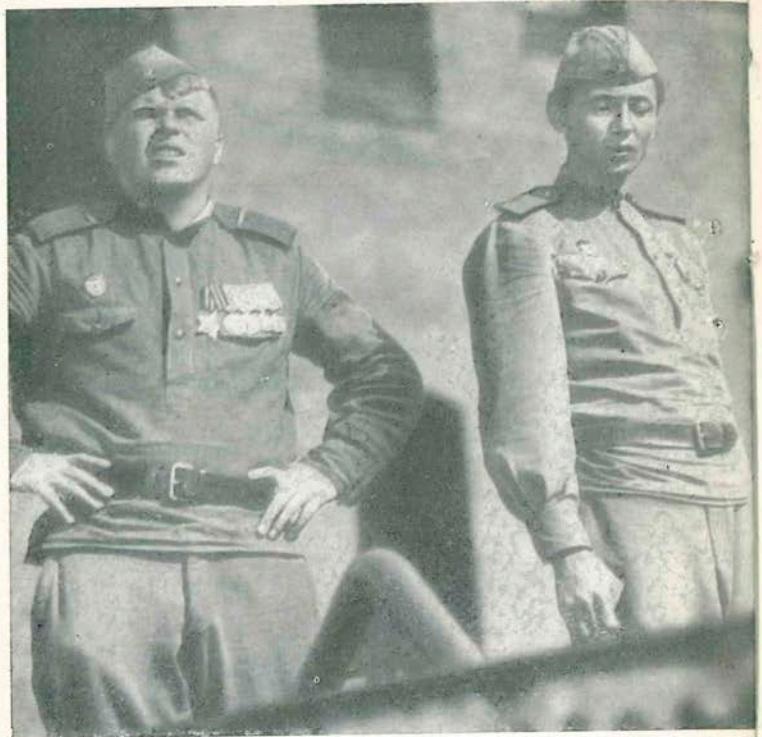

ВАУЛИН
в мае
1945

ты из
КУРСКА
Сергеев В.
Березин
Лебедев

ИВАНОВ

ДОЛГИЙ

ЗАРУЧИЦЫ
ЖСЕВАДОВ
МИХАЧИН

УФИМЕВ
СЕЙДОРДИН
ВЛАСИХИН

ЧВАРОВ

Здесь
был

**Б. Окуджава, В. Мотыль
ЖЕНЯ, ЖЕНЕЧКА И «КАТЮША»**

Редактор А. М. Сандлер.

Художественный редактор В. Д. Карадашов.

Оформление художника Б. Б. Страхова.

Технический редактор Р. П. Бачек.

Корректор Б. М. Северина.

А 01679. Сдано в набор 13/XI 1967 г.

Подп. к печати 28/III 1968 г.

Формат бумаги 70×90 $\frac{1}{2}$. Бумага типограф-

ская № 2 и мелованная для илл.

Усл. печ. л. 4,095. Уч.-изд. л. 4,457.

Тираж 30 000 экз. Изд. № 15787.

Издательство «Искусство», Москва, К-51,

Цветной бульвар, 25. Заказ № 427.

Тульская типография Главполиграфпрома

Комитета по печати

при Совете Министров СССР.

г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109. Цена 31 коп.

Владимир Мотыль родился в 1927 году в г. Лепель. Закончив актерский факультет Театрального института, он работает в театрах Урала и Сибири актером, а затем и режиссером. В 1958 году он переходит на работу в кино, принимает участие в постановках фильмов «Пора таежного подснежника», «Ждите писем». В 1963 году В. Мотыль осуществляет первую самостоятельную постановку — «Дети Памира» («Таджикфильм»). Фильм этот был отмечен на Всесоюзном и Среднеазиатском фестивалях — он удостоен диплома и награжден Государственной премией имени Рудаки.

31 коп.

